

Людмила Милевская

ГРАНЕРА

Над
Парижем

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Людмила Ивановна Милевская
Фанера над Парижем
Серия «Соня Мархалева
– детектив-оптимистка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121812

Фанера над Парижем:
ISBN 5-04-008935-X

Аннотация

У Лели – подруги писательницы Сони Мархалевой – похитили мужа банкира и требуют немислимый выкуп. Соня считает, что только она может его найти. Исследуя сейф банкира, она нашла договор между ним и его замом, где говорилось, что в случае естественной смерти одного другой наследует банк. Похититель Перцев? Однако обнаружилось, что Лелин муж собрал компромат на всех знакомых, даже на нее. Значит, его смерти желают многие. Сонька подозревает, что банкира держат в особняке у известного чародея Коровина. «Не будь я Сонька Мархалева, если не выведу преступника на чистую воду», – решает писательница...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	68
Глава 8	79
Глава 9	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Людмила Милевская

Фанера над Парижем

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Люди были так малы: мультяшные куклы, сбившиеся в толпу, – не отличить мужчин от женщин. Они сгрудились далеко внизу, в каком-то чужом, другом мире. Пугались и суетились, наверняка кричали, но звуки голосов тонули в гомоне птиц, нахально круживших над моей головой.

Карниз не внушал доверия, был хлипкок и стар: под ногами дробился разрушенный ветрами и дождями кирпич, сыпалась сожранная плесенью штукатурка. Побелевшими пальцами я цеплялась за жизнь – внизу смерть, поджидающая на грязной корке тротуара, пошлого и банального, как суетное амбициозное городское существование...

Какой черт меня сюда занес? Да еще в этом платье от Втюхины. Последняя коллекция! Фиг от первой отличишь. Страшно подумать, какие деньги вместе со мной пропадут...

А ведь пропадут – карниз рухнет на глазах. Даже если не разрушится, долго мне так не выстоять; ноги онемели, рук не чувствую. А прическа!

За что, спрашивается, двести долларов отвалила? Нет, пройдоха стилист уверен, что эти доллары он заработал – ха! – каторжным трудом, но почему я чувствую себя ограбленной? Он, мерзавец, еще интересовался, отчего я не в настроении, по какой причине у меня на языке одни лишь только гадости. Будто там может быть что-то другое, когда пла-

тишь двести долларов за заурядную стрижку. Тем более что и волос немного. После стрижки, правда, их стало значительно больше, во всяком случае, внешне. Стрижка действительно неплоха. Даже Маруся похвалила. Хотя, если Маруся что похвалит...

Да нет, и Роза похвалила, а она патологически честна. Конечно же, стрижка чудо, здесь я больше верю взглядам мужчин, но стилист к этим взглядам не имеет никакого отношения. Попробовал бы он так поработать над Марусей. Нет, стрижка чудо!

И теперь это чудо должно погибнуть. Вместе со мной. Я – ладно, бездарно прожитая жизнь, ссора с соседями и затянувшийся ремонт в квартире весьма располагают к смерти, но жаль прическу...

Ужас! О чем я думаю?

О том же, о чем всегда.

Но на такой верхотуре и в таком положении принято думать о другом. Думала бы лучше, как угораздило меня оказаться на этом карнизе, боже, как болит рука: пальцы просто свело. Впрочем, и об этом думать глупо. Сейчас надо сообщить, как с этого карниза не слететь раньше времени, потому что самой выбраться отсюда невозможно.

Господи, как же я боюсь высоты! Надеюсь, толпа внизу не просто так стоит, глазеет, надеюсь, она уже сообразила вызвать хоть кого-нибудь, на худой конец пожарных. «Скорая помощь» тоже не помешала бы. Сердце просто в пятки ушло.

Но как?! Как я оказалась здесь, на этом окаянном карнизе?!

Вспоминай, вспоминай, что перед этим было. Утром я проснулась, выпила кофе, принарядилась...

Так, выпила кофе, принарядилась, но зачем?

Зачем принарядилась? Куда меня, дуру, с утра понесло?

Господи, да куда угодно, лишь бы не смотреть на этот затянувшийся ремонт! Дальше-то что? Поругалась с соседями. Отправилась к этому, как его, к стилисту своему, визажисту, имиджмейкеру, черти его раздери! Короче, к Кольке Косому, сыну Маруськиной соседки, этой чокнутой костлявой Тайки из пятой квартиры со второго этажа... Да, точно к сыну ее отправилась, гадостей ему наговорила, всю правду сказала, голубым обозвала и...

Что «и»? Не за этим же я к нему приходила, к стилисту, визажисту-имиджмейкеру нашему, московскому цирюльнику. Точно, не за этим, это все уже по ходу дела произошло, а зашла-то я к нему с одной лишь целью: чтобы он стрижку мне под новое платье соорудил. Он и соорудил. И...

И больше ничего не помню. Как я на карнизе-то этом оказалась? Словно так и стояла на нем всю жизнь. Бац, и вот я здесь. Словно тут и родилась, словно и не было у меня, кроме карниза, никакой биографии...

А дом-то высокий какой! Боже! Сколько же в нем этажей? Впрочем, какая разница: лететь с двадцатого так же неприятно, как и с десятого...

Но у Кольки Косого я была, выходит, не одна, раз и Роза

стрижку похвалила, и Маруся. Не век же я на этом карнизе стою. При всей моей жажде к жизни на этом карнизе больше часа не выстоять. Стрижку я сделала утром и пошла. Куда? Сейчас явно не вечер, но и не полдень. Где-то же я все это время болталась. Который же час? Жаль, нет часов. Солнце не так уж и низко стоит. Боже, как оно близко! А земля далеко! Сколько же мне лететь придется?

Нет, нельзя об этом думать. Это расслабляет члены. Думать надо о приятном. Я просто молодчина, что собралась-таки с духом и высказала, наконец, соседям, какого о них мнения. Жаль, Старая Дева гуляла со своей сукой Жулькой. Я бы и ее зацепила. Всех бы их зацепила. Эх, какая досада. А теперь, не дай бог, с карниза сорвусь, а Старая Дева не выруганная будет дальше жить...

Нет, об этом тоже думать нельзя. Это тоже неприятно. И ни в коем случае нельзя смотреть вниз. Да, не смотреть вниз и думать только о приятном...

Ха! О приятном! Как тут думать о приятном, когда до земли гораздо дальше, чем до неба? Небо-то вот оно, как мне это ни противно, да простит меня господь.

Но как же меня угораздило попасть на этот карниз? И почему я до сих пор с него не упала?

Типун мне на язык!

Хотя, какая уже разница.

Нет, так не годится, надо что-то делать. А что я могу? Кое-что, конечно, могу, типа свалиться вниз... Но это меня не

устраивает.

Однако, как-то же я забралась на этот карниз? До ближайшего окна метра три, не меньше. Боже! Какой-то кошмар!

Может, это сон? Сейчас прыгну вниз и... полечу, а приземлюсь в собственной кровати. Кстати, этот спальный комплект, который по баснословной цене мне всучила Маруся, абсолютно прелестная вещь: не мнется, не пачкается – грязь от него так и отскакивает. Хотя, откуда в моей постели взяться грязи? Кроме мужа, там давно уже ничего не было...

А-ааа! А-ааа! Теперь на этот мой новый комплект Женька положит чужую бабу. Молодую! В мою постель! Еще и женится на ней, дурак. Он же привык к семейной жизни. Сама, глупая, его приучила, хоть это было и нелегко.

Я значит, вдребезги разобьюсь, а он женится на какой-нибудь идиотке, у которой в мозгах доллары вместо извилин. Выходит, это для нее я всю жизнь сэкономила! Не такая уж она и идиотка, раз завладеет тем, что я, умная, сэкономила. Боже, как я жадничала, отказывала себе буквально во всем! И теперь богатая гибну. И все достанется ей! Знала бы, дала бы стилисту не двести, а триста долларов, как он и просил!

Господи! Пальцы уже не слушаются – разжимаются! Неужели я такой страшной смертью помру и без всякой анестезии? И что там делает толпа? Почему меня не спасает? Я же не статуя – столько на карнизе стоять! Мне холодно! Господи! Помоги!

Словно услышав мой призыв, бог послал мне двух дород-

ных мужиков и пожарную машину. Когда я увидела, что мужики (еще те верзилы) один слева, другой справа выбирают из окон с очевидным намерением ступить на карниз, то на секунду потеряла дар речи, что в тот же миг поспешно исправила истошным воплем.

– Стоять! – завопила я, и мужики повисли на подоконниках.

Их лица выражали первобытный ужас, хотя им-то ничто не грозило, никакой опасности.

– Если вы сделаете ко мне хоть один шаг, я разобьюсь вдребезги, – компетентно заверила их я, имея в виду ветхость карниза.

Они же подумали черт-те что.

– Не надо, – истерично воскликнул тот, что пытался зайти слева.

«Самой не хотелось бы», – подумала я, но даром трепать языком не стала.

Глянула вниз: пожарная машина разворачивается к стене дома.

– С вами сейчас будет разговаривать психолог, – с невыразимой нежностью сообщил второй мужик, который собирался зайти справа.

Симпатичный, между прочим, парень, и в моем вкусе. Я даже пококетничать с ним рискнула бы, когда бы он не был так сильно похож на моего мужа. Мерзавец Женька: я разобьюсь, а он приведет в мой дом молодую!

– На кой черт мне ваш психолог? – психанула я. – Мне не о душе думать надо, а о теле.

– Мы сделаем все, что вы пожелаете, – заверил похожий на мужа. – Удовлетворим все ваши желания, только оставайтесь на месте.

Я посмотрела на него с невыразимым скептицизмом. Чем он там собирается меня удовлетворять, этот идиот? И, главное, кого? Меня? Женщину, выдавшую виды? Женщину с моим опытом? До того момента, как нам встретиться, он узнал о жизни меньше, чем я забыла. Единственное, что он может сделать, это окончательно развалить карниз. Господи, до чего же жить хочется! Просто напасть какая-то!

Пожарная машина зачем-то начала отъезжать от дома, что я мысленно совсем не одобрила и даже выругалась втайне от всех. Однако вскоре машина вернулась на прежнее место, совершив замысловатый маневр.

– У меня рука от напряжения отваливается! – громко пожаловалась я.

– Держитесь второй, – посоветовал мне кто-то снизу.

– Вторая занята, – пояснила я, с удивлением обнаруживая, что судорожно сжимаю в ладони... сотовый телефон.

Моя тяга к информации порой изумляет даже меня.

– Выбросите телефон и держитесь крепче за выступ, – крикнул мне тот, который ласковый. Я возмутилась:

– Ага, умный какой! Выбрось ему телефон! Цену его знаешь?

Как бы занимательна ни была эта тема, развернуть ее не удалось, – мой сотовый зазвонил. Я прижала его к уху и услышала раздраженный голос Тamarки.

– Мама, ты невозможная! – закричала она. – Куда ты пропала?!

Опа! Куда я пропала! Разве по телевизору меня еще не показывают? Съёмочные группы в подобных случаях прибывают раньше спасателей.

Во мне проснулась гордость, а с гордостью и скромность.

– Тома, ты чуть-чуть не вовремя, – попыталась смущенно объяснить я, но наглая Тамарка и слушать меня не стала.

– Я всегда не вовремя, – возмутилась она. – И ты всегда при делах и, как правило, глупостями занимаешься.

«Здесь она права», – мысленно согласилась я, но вслух тоже возмутилась.

– Тома! – завопила я. – Смерти моей жаждешь?

– Не вздумайте прыгать! – взревел кто-то снизу.

– Сейчас с вами будет говорить психолог, – нервно пообещал из окна ласковый.

Пожарная машина снова совершала немыслимые маневры, я же по-прежнему околачивалась на карнизе и клацала зубами от холода.

– Мама, ты невозможная! – озверела Тамарка. – Сколько можно тебя ждать? Ты где?

– Даже сказать неловко, – посетовала я. Из окна слева выглянул пожилой, но очень симпатичный мужчина, думаю,

психолог.

– Давайте поговорим, – лаская меня взглядом, предложил он.

– Давайте, – согласилась я, мгновенно забывая про Тамарку.

– Вы очень хорошо выглядите, – сказал психолог. – Платье красивое. Версаче?

– Втюхини, – потупившись и краснея, сообщила я. – Последняя коллекция.

– Еще лучше, – одобрил психолог; Тамарка насторожилась.

– Мама, с кем ты там разговариваешь? – почему-то шепотом спросила она.

– С психологом, – не без гордости сообщила я. – Утром я была у стилиста, а теперь консультируюсь с психологом – шагаю в ногу со временем, как мне, умнице, это ни смешно. Но если будешь меня отвлекать, разобьюсь вдребезги.

– Только не вздумайте прыгать вниз! – нервно закричал ласковый, зачем-то снова свешиваясь из окна.

– Полагаете, если я прыгну вверх, то вверх и полечу? – удивилась я.

– Держитесь крепче, – посоветовал второй.

– Сколько там мужиков? – сгорая от любопытства, потребовала ответа Тамарка. – И чем ты с ними занимаешься?

– Даже сказать неловко, – посетовала я.

– Платье вам очень к лицу, – продолжил беседу психо-

лог. – Платье красивое, хоть и не от Версаче. Втюхини, думаю, даже лучше.

– Одно и то же, – скромно заметила я.

– Да, нынче в моде Втюхини, – согласился психолог. – И вам очень к лицу.

– Я рада, но в этом платье мне холодно.

– Да, лето нынче неласковое, – пригорюнился психолог.

– Мама, что там происходит? – встряла в разговор Тамарка. – Он кто?

– Их много, – ответила я.

– И кто они? – строго спросила она, но ответить я не могла, потому что вынуждена была уделять внимание еще и психологу.

– Вы на вечеринку собрались, раз так принарядились? – спросил он.

– Думаю, да, – ответила я, совершенно с ним соглашаясь.

Не стала бы я вырядиться в это платье без всякой цели. Раз надела Втюхини, значит, куда-то шла, но почему с утра, если на вечеринку...

Эта мысль была опасна, поскольку сразу вела череду других – в результате все упиралось в этот дурацкий карниз. Как я на него попала? Жуть!

– Вы спортсменка? – любезно поинтересовался психолог. – Занимались альпинизмом?

– Боже меня упаси! – ужаснулась я. – С детства боюсь высоты. Упав хоть раз с коляски, получила бы разрыв сердца.

– Как же вы сюда забрались? – абсолютно искренне изумился психолог.

– Я сюда не забиралась, – ответила я. – Я здесь очутилась.

– Мама, ты невозможная! – взбунтовалась Тамарка. – Чем ты там занимаешься? Сколько можно тебя ждать? Сейчас же отправляйся ко мне!

– Тома, я бы с удовольствием, но жизнь порой закладывает такие виражи – уж не знаю, увидимся ли мы вообще, – со вздохом призналась я.

Меня качнул порыв ветра, посеяв панику в рядах спасателей.

– Только не вздумайте прыгать вниз! – завопил ласковый из окна справа.

– Держитесь крепче! – посоветовали с предыдущего этажа.

– Мужайтесь! – взвизгнул психолог.

– И держусь, и мужаюсь, и не собираюсь прыгать, – заверила я их. – Как вам только в голову такое приходит. Мне Тося крупную сумму должна. Кто с нее спросит, если я прыгну, расписки-то я не брала.

– Иду к вам, – сообщил ласковый и опять попытался поставить на карниз ногу.

– Стоять! – дурным голосом завопила я и добавила:

– Иначе вдребезги разобьюсь. – Ласковый панически вернулся в окно.

– Вы же должны получить крупную сумму, – напомнил

психолог. – Зачем вам прыгать?

– Не сошли ли вы с ума? – рассердилась я. – С чего вы взяли, что я собралась прыгать? Видите, как за выступ держусь – пальцы побелели. Только и мечтаю на карнизе остаться.

Психологу и это не понравилось.

– Зачем вам оставаться на карнизе? – принялся он меня увещевать. – Вы так обольстительны, так молоды, так здоровы, впереди у вас много радости, счастья.

– Да, когда закончится ремонт, – деловито согласилась я.

– Вот видите, – пришел в восторг психолог. – Жизнь такая прекрасная штука. Увидите сами, все трагичное пройдет...

– Что пройдет? – опешила я. – У меня ничего и не начиналось, если не считать карниза.

Эта Тамарка буквально меня замучила. С приятным мужчиной уже нельзя побеседовать.

– Мама, что там творится? – прямо в ухо закричала она.

– Отвяжись, – рывкнула я и любезно пояснила психологу:

– Это не вам. Это подруге. Она меня достала.

– А-ааа, так это из-за нее вы на карниз забились? – прозрел наконец психолог.

– Не знаю, может, и из-за нее. Тамарка вообще-то кого угодно доведет.

– Так не разговаривайте с ней. Зачем вы с ней общаетесь, тем более с риском для жизни?

– Сама не пойму, – призналась я. – И риск этот существует всегда, когда с Тамаркой общаешься. Порой совсем слушать

ее не хочу, а все говорю и говорю. Остановиться никак не могу, она же этим пользуется. Правда, чаще себе во вред.

Произнося последнюю фразу, я почему-то занервничала, потому что не так уж и част был этот вред. К тому же Тамарка не унималась, все кричала и куда-то меня звала.

Чуткий психолог, встревоженный моим состоянием, залепетал:

– Успокойтесь, успокойтесь, сейчас вам нужно взять себя в руки и дожждаться помощи.

– Только об этом и мечтаю, – призналась я.

– И умница, – одобрил он. – Вы так молоды, так хороши, так умны, так здоровы. Вы должны сберечь себя для общества.

– Только об этом и мечтаю, – не меняя репертуара, повторила я.

– И умница, – опять одобрил меня психолог. – Почему же вы не хотите позволить этому человеку вас спасти?

– Да я только об этом и мечтаю! – завопила я. – Но он же для этого лезет на карниз, на котором мне и одной-то тесно.

– Вас это не должно волновать, – успокоил меня психолог. – Вы, главное, не смотрите вниз и покрепче держитесь. Эти люди тренированные, они вас снимут в два счета.

– Ага, вместе с карнизом, – нервно рассмеялась я. – Какая мне разница, с кем падать – с тренированными людьми или с нетренированными. Подлец-карниз и подо мной одной рассыпается. Нет уж, я лучше дождусь пожарной лестницы, а

вы, если действительно хотите сделать доброе дело, покрепче держите своих тренированных людей.

Психолог понял меня превратно и вновь залепетал про мои ум, красоту, молодость и здоровье.

– Да нет же, – возразила я, – вы не правильно меня поняли. С чего вы взяли, что я, с моими умом, красотой, молодостью и здоровьем собралась умирать? Я жить хочу похлеще вашего.

– Оч-чень хорошо, оч-чень хорошо, – обрадовался психолог. – В том же духе и продолжайте.

– Только этим и занимаюсь, – заверила я его.

Пожарная машина тем временем выбрала наконец место, уперлась в асфальт своими гидравлическими аутригерами и сразу стала похожа на красного жука, растопырившего лапы. Все это не скрылось от внимания психолога, который, увидев те же аналогии, решил меня приободрить.

– Видите, какой умный жучок, – засюсюкал он. – Потерпите, уже немного осталось. Сейчас вам выдвинут лестницу, по которой вы спуститесь вниз.

Мне сразу сделалось дурно. Представив себя на длиннющей хлипчайшей лестнице, я не увидела продолжения своей биографии, а ведь как она красиво писалась все эти сорок (с хвостиком) лет.

А «жук» действительно приподнял толстый сэндвич сложенных в пакет лестниц и стал поочередно выдавливать их вверх, в мою сторону. Лестницы вытягивались в тонюсень-

кую дрожащую ленту и угрожающе приближались. Перекладина самой продвинутой выглядела уже вполне реальной, но основание! Оно превращалось в ниточку, исчезающую в том месте, которое соприкасалось с машиной. Я запаниковала.

Вместе с лестницей ко мне приближался и пожарный в полном боевом снаряжении: брезентовая роба, множество ремней и блестящих карабинов, топорик за поясом и каска. Я запаниковала еще сильнее. Топорик же меня просто добил.

– Зачем ему топорик? – закричала я, конкретно ни к кому не обращаясь и ни на кого не указывая.

Но все сразу поняли, о ком идет речь, и бросились меня успокаивать. Громче всех кричала Тамарка, которая непостижимым образом догадалась, что я в опасности, и, как истинная подруга, сочувствовала мне всем сердцем и чем могла вредила.

– Мама, – вопила Тамарка как резаная, – я с тобой, а все дураки! Не бери в голову, а еще лучше, пошли всех в жопу и отправляйся ко мне.

Естественно, что после такого родственного жеста я стала рассчитывать только на Тамарку, а потому завопила в ответ:

– Тома, срочно приезжай и забери меня отсюда!

– Да, мама, да, – сразу согласилась Тамарка. – Так я и поступлю, потому что без меня ничего не будет. Это уже очевидно.

Вот за что люблю Тамарку, так это за ее конструктивность:

никаких лишних вопросов. Она сначала сделает дело – крепко сделает – а потом уже разбирается, как, что, почему, кому это нужно и нужно ли это вообще. Потому она и процветает. Только у таких решительных людей дела и ладятся.

– Адрес! – гаркнула Тамарка.

– Не знаю, – твердо ответила я.

– Куда ехать? – выяснила Тамарка.

– Понятия не имею, – призналась я. Она вызверилась:

– Слушай, мама, что вообще происходит? Коню ясно, что ты ни о чем не имеешь понятия, но там же не пустыня. Слышу, что полно народу, и сплошь мужики. Вот у них и спроси.

Боже, как умна моя Тамарка!

– Мужики, скажите адрес, – попросила я. Меня поняли и назвали номер телефона. Я зашла в тупик, а Тамарка (хвала прогрессу, хвала связи!) мгновенно все сообразила.

– Мама, сейчас я им позвоню, все узнаю и сразу еду! – гаркнула она и отключилась.

И я осталась один на один с пожарным. Затуманенным взором поглядывая на его топорик, я начала сбивчиво объяснять, что нет на свете той силы, которая заставит меня ступить на лестницу. Пожарный же возразил, что сила эта есть и следует она за ним: по лестнице поднимался второй пожарный. Пока во мне шла сложная эмоциональная война, они дружно затащили меня на лестницу.

Боже, что потом началось! Просто чудом я не скинула их с лестницы. Борьба завязалась не на жизнь, а на смерть, при

этом они спасали меня так отважно, что до сих пор удивляюсь, как я выжила. Это был сущий кошмар!

Очнулась я уже на земле.

Глава 2

Едва я оказалась внизу и под громкие аплодисменты толпы сошла на землю, как тут же угодила в лапы милиции. Работников милиции садистски интересовал один лишь вопрос: как я попала на карниз? Будто не тот же вопрос мучил и меня.

Если бы не подоспевшая Тамарка, замордовали бы меня этим вопросом. Тамарка же была пьяна и нагла сверх обыкновения. К тому же она, как честный человек, прикатила сразу на четырех «Мерседесах», трех «СААБах», двух «Фордах» и одном «Навигаторе» в окружении телохранителей, адвокатов и репортеров. Тамарка с ходу заявила, что является директором крупнейшей компании, а я ее «подруга детства», поэтому всем этим капитанам и майорам придется иметь дело с министром юстиции, министром внутренних дел и председателем комитета по управлению государственной собственностью.

– Все они мои кореша, чего и вам желаю, – жизнеутверждающе заявила Тамарка.

Милиция сбавила темп, а Тамарка грозно поинтересовалась, по какому праву пытаются пострадавшую. Я и сама имела что сказать, но как пострадавшая вынуждена была молчать, дабы не разрушать созданного образа. Впрочем, в этом не было необходимости. Милиция сникла и перешла на уваже-

ние.

– Скажите хотя бы, что было перед тем, как вы попали на карниз? – униженно попросил капитан.

– Моя память дальше Кольки Косого не идет, – снисходительно призналась я.

Капитан окончательно растерялся:

– Колька Косой, это кто?

– Сын Тайки Костлявой, – поведала я, после чего капитан раскрыл рот, а майор схватился за голову, всем своим видом давая понять, что не собирается совать нос в чужие дела, поскольку это не присуще милиции.

Однако на этот раз любопытство одолело Тamarку.

– Что за Тайка? – сердито спросила она.

– Чокнутая соседка Маруси из пятой квартиры со второго этажа, – незамедлительно пояснила я, после чего Тamarка успокоила милицию.

– Колька Косой – ее стилист, – сообщила она, кивая на меня, и все вздохнули с облегчением.

Дальше все пошло как по маслу. Тamarка заявила, что забирает меня; никто уже не возражал. Правда, дело едва не испортил молоденький лейтенант, который бог знает откуда взялся. Прибежал и с ходу, ни с кем не посоветовавшись, как завопит:

– Куда вы? Мы должны ее допросить!

Тamarка не растерялась.

– Сама ее допрошу, – заявила она и потащила меня к сво-

ему «Мерседесу».

Лейтенант же (вот оно, отсутствие опыта!) не отставал.

– А кто пожарным и спасателям платить будет? – наивно поинтересовался он нам вслед и добавил:

– И психологу.

Деньги – это то, с чем Тамарка с детства не любила расставаться. Она резко затормозила и грозно спросила:

– Платить? За что?

С нее даже хмель сошел.

– За спасение, – уже робея, пояснил лейтенант.

Тамарка уставилась на меня:

– Мама, ты спасти себя просила? – Я отрицательно замолчала головой и поспешно ответила:

– Я не имела такой возможности, но психологу все же заплатила бы. Очень симпатичный мужчина.

– За это стыдно платить! – гаркнула Тамарка и обратилась к лейтенанту:

– Слышал? Не за что платить. Мама о помощи не просила.

– Навязанная услуга, – тут же прокомментировал телезвезда-адвокат, своей популярностью затмивший и Орбакайте, и Киркорова, и даже Пугачеву.

Во всяком случае на всех телеканалах он появляется гораздо чаще этой звездной семьи.

Однако лейтенант, невзирая на телезвезду, заупрямился. Краснея под уверенным взглядом адвоката, он забубнил, делая неслыханные по искренности признания.

– Не знаю никаких законов, – пробубнил лейтенант, – но кто-то же должен за это платить. Столько народу на ноги подняли, машины работали, люди работали, все это удовольствие дорого стоит. Надо платить.

Тамарка затолкала меня в «Мерседес», посмотрела на лейтенанта, как на глупого ребенка, и зачем-то постучала указательным пальцем по своей, украшенной шляпкой голове.

– Я не нищая, чтобы платить. Пусть платят мне, – отрезала она и умчалась меня допрашивать.

Ее свита последовала за нами.

– В чем дело, Мама? – Тамарка приступила к допросу, не дожидаясь, пока злосчастный дом с его карнизом скроется из вида. – Почему, как у моего Дани день рождения, так с тобой обязательно что-нибудь приключается? Даже выпить прилично не дашь.

Я пожала плечами, не находя ответа на ее вопрос. Я приуныла, тщетно вороша свою память. Тамарка сжалась надо мной и, свойски толкнув меня в бок, игриво успокоила:

– Не переживай, Мама, ну нажралась, ну фортель выкинула, с кем не бывает.

Ну как тут не разозлиться!

– Тома, – завопила я. – Сама ты нажралась, а я трезва как стеклышко. – Тамарка опешила.

– А ну дыхни, – попросила она.

– Какой в этом смысл? – удивилась я. – От тебя же разит

как от пивной бочки. Что ты почувствуешь? Уж поверь мне, пожалуйста, на слово. Не пила я.

– Трезвая, что ли, на карниз залезла? – усомнилась Тамарка. – Аж на четвертый этаж?

– Что ты говоришь? – испугалась я. – Неужели там был всего лишь четвертый этаж?

Я была разочарована.

– Сталинский дом, – сжалилась надо мной Тамарка. – Потолки высокие, но как, Мама, тебя на карниз занесло? Жаль, я не видела, но сказали, что ты была неподражаема на этом карнизе. Поспешили тебя снять, поспешили. Ну, да ладно, Мама, не горюй, сейчас выпьешь, Даню моего поздравишь, потом потеряем его и поедем гулять. Расслабимся по полной программе: банька уже растоплена, шашлычки жарятся, мальчишки заждались...

– Какая банька? – взвизгнула я. – Какие мальчишки? Со всем ты, Тома, со своим необузданным капитализмом оборзела! Когда я в твоих оргиях участие принимала? Ты меня путаешь черт-те с кем! Я стерильно честна и непорочна! И потом, ты же задала вопрос, так изволь выслушать ответ.

– Валяй, – снизошла Тамарка. – Кстати, кто там у тебя живет в этом доме? Почему я не знаю? Секреты, что ли, от меня завела?

Тамарка обиженно надула губы.

– Тома, не будь дурой, – рассердилась я. – Откуда у меня секреты? Ты же меня знаешь, на секреты я не способна.

Здесь очень темное дело. Клянусь, со мной случилась беда. Раз у Дани день рождения, значит, по этому поводу я и принарядилась, и к Кольке Косому по этому же поводу отправилась, ну, чтобы стрижку под новое платье соорудить. Кстати, как тебе моя прическа?

– Отвально, – заверила Тамарка.

– А платье?

– Платье фигня.

Я опешила:

– Фигня? Это же Втюхини.

Тамарка посмотрела на платье совсем другими глазами и воскликнула:

– Полный завал! И я такое хочу!

– То-то же, – успокоилась я и продолжила:

– Делать стрижку я зачем-то пошла с Марусей. Кстати, и Роза там была, у Кольки Косого. Тоже стрижку хвалила.

– Роза уже Даню поздравила и в стельку пьяна от водки, пьянеет бедняга от одного запаха, – вставила Тамарка и, зверея, добавила:

– А на Маруську мне плевать!

– Знаю-знаю, – заверила я, торопливо возвращаясь к прежней теме:

– К Кольке Косому я была записана на одиннадцать часов, значит, от него вышла не раньше двух, и то, если без массажа. Кстати, который час?

– Уже, Мама, пятый, а я тебя ждала в пятнадцать ноль-

ноль. И все ждали. Ты невозможная!

Тамарка снова начала звереть.

– Тома, выглядишь ты потрясающе и похудела килограммов на пять, – поспешно воскликнула я, и она растаяла.

– Мама, твоя стрижка – обалдеть, – мгновенно восхитилась Тамарка. – Но похудела я всего на три килограмма. Утром взвешивалась.

– С тех пор похудела еще, – заверила я ее. – Однако, выходит, не так уж и долго я на карнизе стояла. Максимум час.

– Вряд ли, Мама, столько и мне не выстоять. Но как ты в тот дом попала? Ладно, в дом, как попала на карниз? Не с крыши же лезла на него, если не врешь, что нет там знакомых.

– Тома, посуди сама, если бы я залезла на карниз из окн чьей-то квартиры, стали бы менты мне вопросы задавать?

– Вряд ли. И куда бы хозяева смотрели? Кстати, в доме нет балконов. Совсем. У какого хозяина сердце не дрогнет, если гость попытается выйти не через дверь, а через окно? Лично я бригаду бы вызвала. Кстати, как у тебя с «крышей»? В твоих глазах, Мама, присутствует сумасшедший огонь. Клянусь.

И Тамарка совершенно безумным взглядом уставилась в мои глаза. Я разозлилась.

– А что еще в них может присутствовать после пребывания на карнизе? Я абсолютно нормальна. Если не считать насморка, подцепленного там, я совершенно здорова.

Тамарка возразила:

– Но согласишься, Мама, это странно, что ты не помнишь, как попала на карниз.

– Если бы только это, – удручилась я. – Я даже не помню, как вышла от Кольки Косого.

– Мама, – рассердилась Тамарка. – Не называй его Колькой Косым. Он и мой стилист. Ведешь себя как деревня, это бьет по моему престижу.

– Ха! Стилист, что же, не может быть Колькой Косым?

– Но у него уже нет косоглазия.

– Но его так с детства называют, и пусть скажет спасибо, что теперь, когда он научился стричь с людей баксы, его так только за глаза зовут. Все, кроме Маруси. Маруся не меняет привычек. Впрочем, я не мелочная. Раз просишь, ладно, стилист, так стилист. Так вот, я совсем не помню, как вышла от этого косого стилиста! Надо звонить Марусе.

– Зачем? – испугалась Тамарка.

– Может, она помнит? Кстати, что сказала Роза?

– Роза сказала, что ты осталась у Кольки Косого... Тьфу на тебя, Мама! – психанула Тамарка. – Ты невозможная! Уже и меня заразила! Роза сказала, что оставила тебя у стилиста, а сама поспешила за Пупсом. Она очень опасалась, что Пупс, растяпа, к новому костюму не тот галстук напялит, а я снова начну его высмеивать при всех гостях.

– Могла бы когда-нибудь и промолчать, – осудила я Тамарку. – Значит, Роза оставила меня у Косого... А Марусю?

– Про Маруську Роза не говорила.

– Звоню Марусе.

– Только не в моем присутствии, – запротестовала Тамарка. – И что за нездоровое любопытство? Какая разница, куда ты пошла, если итог очевиден – карниз. Мы уже приехали. Мама, не упрямясь, сейчас поздравишь Даню, потом мы его потеряем и по полной программе: банька уже растоплена, шашлычки жарятся, мальчики заждались...

– Чиста и непорочна! – гневно заверила я.

– Да-аа, – согласилась Тамарка, – последнее замужество сильно тебя испортило.

Глава 3

Эта жуткая история, конечно же, имела последствия. История жуткая, жутчайшая, иначе и не скажешь, если из кресла стилиста попадешь прямо с новой стрижкой сразу на карниз четвертого этажа. Конечно же, я не успокоилась: на следующее утро, как только покончила с днем рождения Дани, повела расследование. Первым делом позвонила Марусе. Маруся примчалась, и мы с ней часа два ходили перед тем домом, гадая, как я могла попасть на карниз.

– Маруся, я точно ушла от Кольки одна? – все эти два часа пытала я подругу.

– Старушка, конечно, сначала – Роза, потом ты с этой своей стрижкой. Вы очень спешили к Тамарке, бросили меня у Косого, теперь полюбуйся, что он со мной сделал. «Новый имидж, новый имидж», – передразнила она стилиста. – Теперь я понимаю, старушка, почему ты, хитрая, доверила ему только свой лысый парик. Теперь и я прямо вся куплю парик и буду стричь его у стилиста, раз уж это так модно.

Колька действительно безбожно обкорнал Марусю, руки бы ему поотбивать, но у меня все же случилось горе посильней, поэтому я не стала на нее отвлекаться, а спросила:

– А перед тем как я вышла из салона, мне никто не звонил?

– Старушка, сколько можно?! Я прямо вся уже объяс-

нять устала: никто не звонил, ты вышла одна и сказала, что еще успеешь помотаться по магазинам. Я удивилась, ведь мы вместе собирались мотаться, а тут вдруг ты прямо вся одна умчалась.

Это был самый удивительный момент вчерашнего дня. Если мы с Марусей собирались вместе выйти из салона, почему я отправилась по магазинам одна? Почему бросила в салоне Марусю? Почему так неожиданно переменила планы?

– Маруся, мне точно никто не звонил? – в сотый раз спросила я.

Она в отчаянии даже ногами затопала:

– Да нет же, старушка, я от тебя не отходила. Ты сидела в кресле, Колька тебя стриг, ты ему говорила гадости, Роза рвалась к Пупсу, ты ее не отпускала, утверждала, что дорожишь только ее оценкой, по ходу мы обсуждали будущий поход по магазинам, уговаривали Розу пойти с нами...

Судя по всему, именно так и было: слишком похоже на правду.

– Да как же я одна от Кольки-то ушла? – жутко нервничая, закричала я.

– А фиг тебя знает! – психанула и Маруся. – Вдруг взяла и прямо вся ушла. Ни с того ни с сего. Сорвалась и убежала со своей новой прической и вся в макияже. Духами просто валила с ног.

– Но ты-то как меня отпустила?

– Я-то у Кольки в кресле сидела прямо вся мокрая, привязанная пеньюаром! Что я могла поделаться? Прямо вся во-пила тебе вслед, он и так мне чуть ухо не отрезал!

– Черт, какая муха меня укусила? – совсем запечалилась я.

Маруся с болью посмотрела на меня, жалея все душой.

– Старушка, – плаксиво успокоила она меня, – сглазили тебя, сглазили, старушка.

– Ни фига себе, сглазили! – ужаснулась я. – А если мне завтра стукнет в голову на Эйфелеву башню забраться? Пойдем по жильцам.

И мы пошли. Жильцы того дома, как ни странно, узнавали меня все подряд и сбегались глазеть как на кинозвезду, качая головами и поохивая. И все, как один, утверждали, что ни в какой квартире я не была. Кстати, то же самое они сказали и сотрудникам милиции – Тамаркин адвокат нам уже сообщил. Бедняга был вынужден заняться моими ничтожными проблемами, так Тamarке хотелось со мной в баньку завалиться. Любит она меня все же.

– Вот видишь, старушка, – обрадовалась Маруся. – Ни в одной квартире ты здесь вчера не была, ни на четвертом этаже, ни на первом. Сглазили тебя, сглази-ли. Сглазили!

– Да подожди ты! – рявкнула я. – Чудес же на свете не бывает. Как-то же я попала на тот карниз, а попасть туда можно только из окна. С крыши бы я не полезла, как бы сильно меня ни сглазили.

– Точно, старушка, с крыши только альпинист на тот карниз может попасть, – трусливо поеживаясь, согласилась Маруся.

– Значит, кто-то из жильцов врет, – заключила я.

Маруся не согласилась:

– Не-ее, не врут. Я бы почувствовала.

– Не врут? Если они не врут, и с крыши залезть нельзя, как же я попала на карниз? Крыльев, как видишь, у меня нет.

– Да-аа, ты не ангел, – на этот раз согласилась Маруся и тут же выдвинула предположение:

– Из окна, что на лестничной площадке, ты разве не могла залезть?

Я пришла в ужас:

– Бог с тобой, от лестничного окна до того места, откуда меня сняли, минимум двадцать метров. Я что, по-твоему, их по карнизу прошла? Мне и двух не осилить.

Маруся пожала плечами:

– Сглазили тебя, старушка, сглазили. Роза мне утром звонила, считает, что надо бы показать тебя психиатру.

– Твоя Роза сама сошла с ума! Вчера так нажралась у Тamarки; совсем забыла, что не пьет. К психиатру я не пойду и под угрозой расстрела.

– Тогда к Коровину тебя надо, – пригорюнилась Маруся, – Пусть скажет, какая сволочь тебя сглазила. А еще лучше пускай твои мысли сама Роза прочитает. Очень она в этом деле преуспела.

– Ладно, фиг с тобой, – согласилась я, – поехали к Розе. Она как-никак тоже доктор, хоть и гинеколог.

* * *

Роза с радостью взялась читать мысли, но сколько ни копалась в моей голове, кроме фасонов шляпок, там ничего не находила. Я и в самом деле думала только о них, о шляпках. И это в такой ответственный момент. Просто поразительно. И досадно.

– Сосредоточься, сосредоточься, – умоляла Роза. – Представь, что ты выходишь из салона, прикрыла за собой дверь...

– Дверь за мной прикрыл охранник.

– Вспомнила! Вот видишь, вспомнила! – восторженно запищала Роза и хлопала в ладоши.

– Ни фига не вспомнила, – разочаровала я ее. – Просто знаю: охранник всегда передо мной дверь открывает, он же и закрывает эту дверь.

– Ладно, не отвлекайся, – рассердилась Роза. – Сосредоточься, представь себя у входа в салон и вызови прежние мысли, а я их прочитаю.

Я сосредоточилась. Роза напряглась, засверлила меня глазами, приговаривая:

– Ну! Ну!

И в моей голове опять появились шляпки. Точнее, шляпа,

одна. Почему-то мужская.

– Опять шляпа! – Роза без сил упала на диван.

– Ну ты, старушка, даешь! – восхитилась Маруся. – Как же ты живешь, если у тебя вместо мозгов одни шляпы?

– Так было не всегда, – с трудом сдерживая слезы, пожаловалась я. – Так случилось после карниза.

– Вряд ли, я и раньше за тобой такое замечала, – усмехнулась Маруся.

– Отстань от нее, – неожиданно вступилась за меня Роза. – Это стресс. Пускай немного от него отойдет, и завтра продолжим.

– Лучше бы ее свести к Коровину, – принялась за свое Маруся.

– Зачем к Коровину, – рассердилась Роза. – У меня уже получается. Завтра с утра на свежие мозги опыты и продолжим.

И мы продолжили на следующий день с раннего утра – так захотела Роза. Продолжили с тем же эффектом. Я не унывала, Роза тоже. Маруся рвалась к Коровину.

И на другой день было то же самое. Роза с утра до вечера читала мои мысли, я же думала лишь о какой-то мужской шляпе. Маруся стояла над моей душой и время от времени вскрикивала:

– Пора ее к Коровину.

В конце концов сдалась и Роза.

– Все, – сказала она. – Я пас. Ведем ее к Коровину. Пускай

пообщается с духами.

«Ну, с духами не с духами, – подумала я, – а посмотреть на это чудо спиритизма – Коровина будет полезно со всех сторон: и для будущей книги, и для общего развития, и для поднятия тонуса, и для улучшения настроения. Разве это не смешно, когда взрослый солидный мужчина на полном серьезе ведет беседу то с Распутиным, то с Наполеоном? С другой стороны, Коровин в большой моде. Салон Кольки Косого против салона Коровина просто колхоз. Просто срам, что я еще ни разу не была у Коровина».

О своем психическом здоровье я уже почти не беспокоилась. Забвение – это то, что позволяет человеку существовать в нашем злокозненном мире. Если бы не забвение, жизнь утратила бы смысл. Поскольку меня больше на карниз не тянуло, я забыла о нем, расслабилась и решила, что тот инцидент произошел в связи с секундным помутнением рассудка на почве ссоры с соседями.

«Вряд ли это повторится», – подумала я и дала Розе и Марусе согласие отправиться к Коровину.

Лишь из любопытства.

Глава 4

Мне снился сон.

Страшный сон.

Даже ужасный.

Ужасный по нескольким причинам. Во-первых, он был очень длинный – длиной в жизнь. А во-вторых, во сне я была мужчиной, да ладно бы еще красивым, бодрым и молодым, а то совсем наоборот – я была пожилым низкорослым мужчиной и обладала всеми атрибутами старости: лысиной, вставными зубами, подагрой, животом и одышкой. И почему-то всем этим я очень гордилась.

Впрочем, известно почему: у меня были деньги, много денег. Утром после душа я подходила к зеркалу и, с огромной симпатией глядя на свое неприглядное отражение, нежно оглаживала раздутый обжорством живот, щелкала вставными зубами, проводила рукой по плешивому темечку (по привычке приглаживая то, чего давно уже нет) и удовлетворенно себе говорила:

– Хорош, чертяка!

Видимо, я ждала чего-то еще более безобразного и, не найдя, приходила в восторг. После этого я выпячивала впалую грудь и героически пыталась подобрать дряблые мышцы живота; живот от этого в объеме не уменьшался, а лишь покрывался жировой рябью и становился похож на корку ги-

гантского апельсина, но я была очень собой довольна и с улыбкой вещала:

– Рано пока на диету, рано. Еще сойдет.

И не ошибалась, потому что действительно сходило. Все сходило за первый сорт: и впалая грудь, и безобразный живот, и плешь, и вставные зубы. Да еще как сходило! Под дверью ванной с полотенцем в руках меня ожидало существо, которое своими прелестями с лихвой возмещало все мои недостатки.

Существо порхало ко мне на своих длинных стройных ногах, в искреннем порыве нежности своими сочными губками чмокало меня прямо в плешь и с материнской любовью обтирало полотенцем мой отвратительный жирный живот. При этом существо не играло, нет-нет, оно действительно боготворило меня, потому что ждало от меня много, очень много...

Старый, плешивый и пузатый, я был не просто я – старый, пузатый и плешивый. Существо видело во мне уверенного в себе хозяина жизни, всем известного и всем нужного, с которым нет никаких проблем, а есть одни лишь радости. И именно этот источник радостей любило во мне существо, охотно прощая и плешь, и вставные зубы. Прекрасное существо даже не замечало этих мелких недостатков, поскольку было счастливо и понимало: счастье это случайно и рядом с плешью и животом могли оказаться любые другие длинные и стройные ноги. Красивых ног в стране много, а богатых и

знаменитых животных мало и на всех не хватает.

Прекрасное существо было неглупо, все понимало и обожало меня и каждодневно радовалось, что я у него имеюсь и в роли мужа ограничиваюсь им одним, этим прекрасным существом, в то время как великое множество красивейших ног, губ и глаз только и думают, как отобрать у него мои живот, плешь и прочее...

В общем, это была любовь, большая, прекрасная любовь, замешанная...

Хотя любая любовь замешана на чем-нибудь прозаическом, так что эта от других не сильно отличалась, но дело не в том. Сон закончился примерно так же, как заканчивается любая жизнь: трагично. В конце концов я, старый дурак, попала в неприятность: неожиданно начала задыхаться прямо посреди счастливейшей жизни. Как и при каких обстоятельствах это случилось со мной – не помню, но ощущения я испытала ужасные. Помню лишь, что была крошечная тьма – то ли подвал, то ли чулан – и это меня почему-то страшно пугало. Глаза лезли на лоб от нехватки воздуха, страшные спазмы сковывали грудь и горло, руки судорожно пытались сорвать с шеи карденовский галстук, мысли путались...

Боялась, не знаю чего, тряслась всем своим жиром... В голове был один страх, жуткий страх, просто животный ужас. Впрочем, были и две-три мысли о прекрасном существе, мол, погибаю, и как-то оно теперь выживет без меня? Без средств, без друзей останется – глупое да наивное, – обернут

до нитки и по миру пустят...

На этом жутком месте я и проснулась, разбуженная телефонным звонком Маруси. Как всегда она беспардонно врывается в мою жизнь, но на этот раз я была ей благодарна, честное слово.

– Старушка! Епэрэсэтэ! – изумилась Маруся. – Ты прямо вся еще спишь? Как не стыдно, старушка, я прямо вся давно уже на ногах!

– Добро бы просто сплю, – пожаловалась я, – а то такую дрянь смотрю. Одни кошмары, жуть!

Хотелось, конечно же, сразу, входя в мельчайшие подробности, рассказать сон, но сильные впечатления вытеснили из памяти весь словарный запас. Пришлось ограничиться лишь этим жалким лепетом. Маруся же и слушать меня не собиралась.

– Еду к тебе, будь готова, – сообщила она и бросила трубку.

«К чему это я должна быть готова?» – подумала я, тупо глядя на себя в висящее напротив кровати зеркало и безмерно радуясь тому, что нет еще у меня плешки и вставной челюсти, а, напротив, есть белые натуральные зубы и роскошные длинные волосы, которые я ни за что не доверю стилисту, как бы моден он ни был.

Должна сказать, что последнее сообщение Маруси меня насторожило, как любое ее сообщение. Жутко хотелось знать, к чему я должна быть готова. После страшного сна я

уже не ждала радостей от жизни, поскольку все естественное всегда ценила выше любого богатства и никогда терпеть не могла примеси денег в отношениях, а тут сразу столько неприятных впечатлений...

Но нет худа без добра, в ванной меня ждал сюрприз. Когда после душа я подошла к зеркалу и не обнаружила у себя отвислого живота, то едва на радостях не потеряла сознание. К счастью, явилась Маруся и отвлекла меня, пришлось бежать открывать ей дверь, откладывая обморок.

Дверь я открыла, в умилении приговаривая: «Боже, как я хороша! Как хороша!»

– Ты что, старушка?! – изумилась Маруся. – С чего ты это взяла? Хоть бы в зеркало на себя посмотрела. Прямо вся помятая и опухшая. Тьфу!

– Это ты меня раньше не видела, – торжествуя, сообщила я. – Плешь, жир, подагра...

Я махнула рукой, мол, всего и не перечислишь. Маруся остолбенела. Ей еще с детства сильно хотелось все это у меня увидеть (особенно плешь), но как это сделать, она не знала, а потому спросила:

– Ты о чем, старушка?

Я тут же рассказала свой сон, заключив повествование словами:

– И откуда, спрашивается, появляются в моей светлой голове такие бредовые видения? Хоть бери и к Фрейду обращайся.

– Тут и обращаться не надо, – обрадовалась Маруся. – Прямо вся ты завидуешь нашей Леле.

Леля – дальняя родственница Маруси, с которой я всегда была очень дружна. Несмотря на приличную разницу в возрасте, мы с Лелей, встречаясь, подолгу болтали как нежнейшие подруги, по ходу беседы выбалтывая друг другу все свои сокровенные тайны.

Кстати, в отличие от Маруси, Леля всегда умела держать язык за зубами и ни разу не распространила по свету то, что я доверила только ей. Марусе же с детских лет я сообщаю лишь то, на что не хочу тратить своего драгоценного времени. Как правило, это сообщения о продаже, обмене, о желании что-либо приобрести или сплетни про очень плохих людей, которых я заслуженно невзлюбила.

– Я завидую Леле?! – искренне возмутилась я. – Да я счастлива, что ей, наконец, повезло.

Изрекая это, я кривила душой. Красавица и умница Леля, обладательница не только длинных стройных ног, но и осиной талии и чистых наивных глаз и сексапильных губ – эта нимфа, это божество... помытарствовала в жизни немало, прежде чем вышла замуж так, как мечтала.

Господи, какой злодейкой надо быть, чтобы позавидовать этой несчастной трудолюбивой Леле. Она не стала довольствоваться тем, что ей щедро дала природа, а не зная устали, трудилась над собой и овладела всем, чем только было необходимо.

Леля постигла все, чего действительно требовало наше сложное время. Даже не знаю, есть ли на свете такое, чему к двадцати семи годам она не научилась. Она так же прекрасно чувствует себя за рулем автомобиля, как и за штурвалом самолета, она летает на лыжах по склонам гор и по волнам морей, бабочкой порхает на теннисном корте, ишаком ишачит на тренажерах, прыгает с парашютом, строчит статьи в газеты и журналы, а потом, проделав все это, несется на рауты во всевозможные посольства и разговаривает там на всех европейских языках...

Боюсь, не хватит страниц моего романа для того, чтобы перечислить все, что успевает Леля за день. Бедняжка, чтобы чувствовать себя суперженщиной, она с утра до вечера, как раб на плантациях, трудится над собой, хотя я этого чувства никогда не теряла, вовсе не обременяя себя ни лишними знаниями, ни лишним трудом. Вот что значит сильная позиция в жизни – насколько легче быть счастливой, от рождения зная, что другим до тебя далеко. Но не всем так везет.

Однако вернемся к Леле. Таким образом, становится ясно, что своим кропотливым трудом она добилась в жизни практически всего, кроме... больших денег, которые она рассчитывала получить одновременно с прекрасным принцем.

Для будущего принца в общем-то Леля и старалась, но принц все не являлся, зато годы летели. Летели они не бесплодно – Леля росла в цене, набираясь образования, ума и

опыта. Она уже научилась петь, сочинять музыку, умудрилась сыграть несколько ролей в спектаклях, и даже пару раз блестяще выступила на радио. Леля без устали бросала новые килограммы на весы своих достоинств и выросла в цене так, что на нее уже не находилось покупателя. Она же не унывала и росла, росла, росла...

Но наступил тот критический момент, когда стрелка весов качнулась и медленно поползла в обратную сторону, а потом и вовсе начала тяготеть к нулю – время перестало работать на Лелю. Никаким красивым пением не заменишь розовой нежности щек и пунцовой свежести губ. Леля поняла, что если в ближайшие годы не найдет себе мужа, то все старания пойдут прахом – жизнь можно считать потерянной. И она заметалась.

Должна сказать, что ни я, ни Роза, ни Маруся, ни другие старшие друзья Лели не стояли в стороне. Все мы мучительно переживали проблемы Лели и из последних сил искали этих чертовых будущих мужей, которых Леля, оскорбляясь, отвергала. Откуда мы их только не извлекали, из каких частей бизнеса и света...

Замечу, если бы Маруся с той же страстью искала мужа себе, то давно бы уже нянчила внуков, а не довольствовалась бы ролью престарелой невесты и «приличными вариантами», как она называет негожих претендентов на свою руку.

В общем, когда все мы, болея душой и скорбя, уже отчаялись выдать замуж нашу несравненную Лелю, она вдруг

неожиданно сообщила о помолвке. Естественно, всю ночь я не спала, а наутро зазвала к себе Лелю для срочного обмена тайнами. И она не обманула моих ожиданий: уже с порога начала открывать свою душу и с горящими глазами сообщила, что страстно влюблена.

– Влюблена?! Ах, я слышу это от тебя впервые! – воскликнула я, внутренне трепеща, от чего сама не зная. – Что? Как? Где? Рассказывай!

Конечно же, меня интересовало многое, поскольку достоинства нашей Лели обязывали ее будущего мужа чрезвычайно. Но самое главное, я видела: Леля была счастлива. В ее горящих глазах читалось огромное чувство...

– Да чем же он взял-то тебя? – дрожа и волнуясь, спросила я.

– Ах, не знаю, не знаю! – кружась по комнате от избытка чувств, пропела Леля. – Когда он касается моей руки, кажется, я готова потерять сознание!

Признаться, я испугалась. Когда видишь такую сумасшедшую любовь, сразу приходит в голову мысль: «Есть ли у жениха деньги?» «Не наделала бы она глупостей», – это уже была вторая мысль.

Короче, я заволновалась, а вдруг наша Леля влюбилась в кого-нибудь недостойного, вдруг он нищ и не имеет достаточного веса в обществе? Дрожащим голосом я поспешно спросила:

– Надеюсь, у него найдутся средства, чтобы обеспечить

тебе ту жизнь, к которой ты так долго готовилась? Спрашиваю прямо: он купит тебе самолет, яхту и метров двадцать бассейна для ежеутренних заплывов?

— Не знаю! Не знаю! — танцуя, ответила Леля. — Да разве в этом дело? Я и часа прожить без него не могу, а он без меня!

И словно по команде зазвонил ее мобильный.

— Это он! Это он! — возликовала Леля и начала ворковать такие нежности в трубку, что даже мне, выдавшей виды, стало неловко.

Я сейчас же пожелала знать, кто он, а еще лучше иметь возможность сделать собственные выводы. Под напором моих дружеских чувств Леля вынуждена была в тот же вечер организовать ужин, куда меня сразу же и пригласила. Событие происходило в ресторане, где я чуть не рухнула на пол, увидев жениха. Достоинство у него было лишь одно — что банкир, в остальном же... маленький, лысенький, брюхатенький...

Нет, он не был точной копией того, кем я была в этом своем страшном сне, с которого, кстати, и начались мои настоящие неприятности. Жених был лучше, гораздо лучше и симпатичней. Пожалуй, я и сама обратила бы на него внимание, будь он немного моложе, но Леля! Наша несравненная Леля! Она так мечтала! Она так готовилась! Так истязала себя!

Нет, теперь она достойна настоящего принца!

Но с другой стороны, где взять принца, когда и наши министры порой перед телекамерой ковыряют в носу, избран-

ник же Лели был достаточно галантен, элегантен, образован, остроумен и невыразимо мил – чего же боле?

Я смирилась. К тому же любовь зла, а то, что Леля счастлива со своим банкиром, не вызывало сомнений. Они так трогательно, так трепетно друг друга любили, что окружающие умилялись и говорили: «О, да, так бывает раз в сто лет».

И теперь Маруся убеждает меня в том, что я завидую Леле?!

Завидую немного, конечно, но совсем не тому, о чем она думает. Я счастлива со своим Евгением, но между нами нет тех тонких чувств, того трепета, которые столь заметны между Лелей и ее банкиром.

Я тут же попыталась все это изложить Марусе, но она возмутилась:

– К черту Лелю с ее любовью! Роза прямо вся нас убьет, если мы опоздаем к Коровину!

– Ах, Коровин! – закричала я, вспомнив, наконец, куда мы собирались.

Глава 5

Альфред Коровин – модная личность. То ли маг, то ли колдун, то ли фокусник... Сам он называет себя великим магистром. Посмотрим, так ли это.

Да, забыла рассказать! Роза вдруг занялась чтением мыслей и преуспела. Прочитав однажды все мысли Маруси – все три, что у нее были с детства, – Роза заразила монтевизмом и Марусю. И наша Маруся, не зная удержу ни в чем, пустилась во все тяжкие.

Нет ни одной гадалки в Москве, с которой Маруся уже не была бы на «ты». От Альфреда Коровина – новоиспеченной оккультной звезды – ее просто не оттащить. Уже похвастала ему успехами Розы, познакомила ее с Коровиным, и Коровин, хоть он и не специалист по монтевизму, якобы Розу поощрил.

– Сегодня Коровин в своем загородном особняке прямо весь будет являть дискуссию с духами, – рискованно разогнав свой новый «жигуль», просвещала меня Маруся. – И Роза хочет нас удивить. Она собралась покуситься на мысли Коровина. Вот дает наша Розка!

– Посмотрим-посмотрим, дает ли, – отмахнулась я, все еще находясь под впечатлением сна. Этот сон почему-то не шел из головы. Я пыталась его разгадать и вдруг подумала: «А почему бы не рассказать о нем Коровину? Полгорода со-

ветуется с ним, так чем я хуже?»

Я поделилась этой мыслью с Марусей.

– Старушка, ты прямо вся сошла с ума! – возмутилась она. – По таким пустякам беспокоить маэстро, великого мага. Говорю же тебе, секрет прост: ты тайно завидуешь Леле, вот и видишь такие сны. Леля счастлива со своим банкиром, а тебя жаба душит.

– Что за ерунда?! – рассердилась я. – Это тебя жаба душит, что я купила себе сапоги за пятьсот долларов. Не мучайся, а лучше два месяца поголодай, купи себе такие же и успокойся.

Маруся не могла мне возразить, потому что мы уже подъехали к особняку Коровина, где ее охватила благодать. Она поставила свой новенький «жигуль» на площадку рядом с потертым автомобилем Розы и скомандовала:

– Вытряхивайся, старушка. Роза прямо вся уже здесь.

Мы отправились к Коровину. Каково же было мое удивление, когда первой, кого я там увидела, оказалась Леля. Нет, ничего странного не было в том, что Леля, строго следующая всем веяниям моды, очутилась у Коровина, – весь бомонд чтит маэстро. Странно было то, что я увидела ее как раз тогда, когда думала о ней в связи с этим сном. Наткнувшись на Лелю, я даже на секунду потеряла дар речи, но, очень быстро восстановив этот дар, радостно воскликнула:

– Леля, дорогая, что ты здесь делаешь?! – тут же собираюсь сообщить, что я-то отбываю здесь наказание за дружбу

с Марусей.

Вместо ответа я с изумлением получила вымученную улыбку Лели и тут же заметила, что бедняжка изрядно заплакана.

Увидев красные, опухшие глаза Лели, я сразу же захотела многое знать. Возникла мысль: «Не разладилось ли у них с банкиром?»

Этой мыслью я тут же поделилась с Марусей, но обменяться со мной своим впечатлением она не смогла, поскольку Коровин приступил к сеансу. В английском элегантном костюме он скорее был похож на денди, чем на мага, но речи его были все о них – о духах.

Коровин тщательно проинструктировал замороженную публику, как способствовать скорейшему установлению контакта с этими самыми духами, существование которых всегда вызывало у меня большие сомнения.

А вот Маруся и Роза, открыв рты, не испытывали никаких сомнений. С благоговением уставились они на маэстро Коровина, буквально ели его глазами, я же, тоскуя и подавляя зевоту, разглядывала просторную комнату. Окна в комнате, естественно, были закрыты шторами, дорогими красивыми шторами черного бархата. Если бы по бархату не вышили серебряные звезды, было бы мрачно, а так ничего, миленько и со вкусом. Огромный овальный стол, расположившийся в центре комнаты, вполне вписывался в интерьер и обещал многое – не зря же все мы чинно вокруг него расселись. Стол

пока был девственно чист, но кто знает, что в дальнейшем может на нем появиться. Стены комнаты украшали старинные канделябры с горящими свечами, увитыми серебристыми полосками. Свечи, как и положено, создавали таинственный полумрак.

Я рассматривала комнату и гадала, почему мы так рано здесь собрались. Мне всегда представлялось, что все эти действия с вызовом духов начинаются в полночь или поближе к ночи, стрелки же часов показывали полдень – сквозь черные шторы местами пробивались тонкие лучики света.

Вдруг Коровин, словно подслушав мои мысли, начал очень длинно и пространно объяснять присутствующим, что сегодня особенный день: бодрствующие духи совершают поиск всех пропавших. Что такое «бодрствующие духи» я не знала, но сразу поняла, что они очень крутые.

«Ага, – подумала я, – следовательно, здесь собрались все те идиоты, которые верят, что Коровин с помощью своих хваленых духов способен найти нечто большее, чем очки на собственном носу. В таком случае возникает вопрос: что хочет найти наша заплаканная Леля? И с каких это пор она, умная и образованная, верит в подобную чепуху? Одно дело отираться в модных салонах, как поступаю порой и я, и совсем другое дело, когда рациональная Леля с открытым ртом сидит перед каким-то шарлатаном и на полном серьезе ждет, когда чей-то дух вдруг явится и что-то ей сообщит. По меньшей мере это странно. Что заставило Лелю утратить разум?»

Огромная хрустальная люстра под потолком, которую я раньше не замечала, вдруг ярко вспыхнула и тут же погасла; кто-то задул в канделябрах свечи – наступила полная тьма. Даже из-за штор больше не пробивались лучики света.

«Началось», – подумала я.

Одна за другой опять зажглись свечи, и я вновь увидела маэстро Коровина. На нем уже не было модного элегантного костюма. На этот раз Альфред Коровин облачился в мантию, украшенную вышитыми золотом астрологическими знаками. На голове его был высокий колпак, на мой взгляд, совершенно дурацкий. Дурацким было и значительно-таинственное выражение его лица. Я с большим трудом сдержала смех, внутренне все же хохоча до упаду.

За спиной у Коровина вдруг словно бы из ниоткуда материализовался высокий молодой человек очень привлекательной наружности. На самом деле парниша вышел из-за черной шторы, но он был так красив! Мой смех как рукой сняло. Я была уже серьезней Маруси.

Тем временем Коровин, изящным жестом коснувшись руки молодого человека, с торжественной таинственностью воскликнул:

– Мой ученик и последователь, Равиль. Медиум гибкий и опытный.

Я ахнула и с восторгом зааплодировала, но присутствующие осуждающе зашикали на меня.

– Это не театр, – гаркнула увешанная бриллиантами туч-

ная дама, и я стушеввалась.

Всегда боялась тучных дам. Однако великий магистр поощрил меня кивком (видимо, простил мою непросвещенность) и повторил свой изящный жест, Равиль тут же с почитительной покорностью занял место за столом.

– Сегодня, – с важным видом воскликнул Коровин, – в день бодрствующих духов, мы обратимся к самой древней технике спиритизма: будем вопрошать духов посредством стола. Прошу присутствующих соблюдать осторожность. Известны случаи агрессии рассерженных духов. Бывало, что злые духи чрезмерно сильно толкали стол, нанося людям увечья.

«Бог ты мой, – ужаснулась я, – эти идиоты еще могут и покалечить».

Коровин тем временем грозно взглянул на присутствующих и воскликнул:

– Если нам сегодня удастся вызвать бодрствующий дух, тогда через нашего медиума, Равиля, вы сможете задать ему свои вопросы и получите ответы в объеме гораздо большем, чем при использовании стола, ибо техника спиритизма шагнула далеко вперед, и теперь мы можем общаться с духами почти напрямую.

Коровин ловким движением рук укутался в мантию и дал знак: Равиль положил на стол обе ладони, соединив большие пальцы и растопылив остальные. Присутствующие поступили так же, причем каждый старался, соединив боль-

шие пальцы, коснуться своими мизинцами мизинцев соседа. Для этого всем нам приходилось жаться друг к другу, что было неприятно. Я сидела с ощущением, что совершаю нечто неприличное. Однако, круг из соединенных мизинцев замкнулся и...

Что-то гроыхнуло, а стол под моими ладонями подпрыгнул. Заколебалось свечное пламя. От странного дуновения заколыхались тяжелые шторы. Раздался звук, подобный заыванию ветра в трубе: у-ууу...

Нестерпимо захотелось бросить к черту этот круг с его мизинцами и полезть под стол: посмотреть, кто там шалит. Мне было очень интересно это знать.

Коровину, кстати, это тоже было интересно, потому что он загробным голосом спросил:

– Кто здесь?

Что-то вновь гроыхнуло, и стол ретиво опять подпрыгнул.

– Чистый ли ты дух и доброжелательный? – утробно спросил Коровин.

Из-под стола глухо бухнуло, словно кто хватил по нему киянкой. Удовлетворенное выражение лица Коровина убедило всех, что дух источает чистоту и добро, после чего маэстро оживился и, используя доброжелательность духа, с трепетным почтением захотел знать:

– Дашь ли ты нам ответы на наши вопросы уже сегодня?

Стол приподнялся, к моему изумлению, на секунду завис

над полом и с грохотом рухнул на место.

На лице Коровина явственно проступило разочарование. Однако паниковать он не стал, а вполне буднично и спокойно сказал:

– Духи не вождедеют общаться с нами сегодня, хотя и не отвергают наших вопросов. Стол обрел невесомость, а это значит, что духи расположены к нам, но не желают говорить сегодня. Вы зададите духам свои вопросы, а наш Равиль завтра передаст вам ответы, используя для общения с духами современную технику спиритизма, ведомую лишь немногим.

«Оказывается, маги, как чиновники, адвокаты и врачи, любят тянуть резину, – подумала я. – Еще бы, денежки-то текут».

– Готовьте ваши вопросы, – торжественно изрек Коровин.

«Интересно, как? – внутренне изумилась я. – Как мы их должны готовить? Будто эти вопросы не готовятся сами собой без всякого нашего участия. Не в этом ли заключается жизнь?»

Пока я размышляла на тему судьбы, Коровин сделал знак Равилю и тот, округлив глаза, начал мелко подрагивать, впадая в транс.

Собравшиеся, цепенея, принялись пожирать глазами трясущегося Равиля; воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумным дыханием медиума. Облако таинственности повисло над столом, приобретая некую зловещую плотность. Об-

лако росло, раздувалось, тяжелело; присутствующие камни, волновались и наэлектризовывались. Казалось, еще немного и...

Глава 6

И...

В комнату ворвалась Тамарка, моя заполошная подруга. Натыкаясь на народ и ушибаясь о стулья, она заспешила поближе к Коровину, сомнамбулически твердя на ходу «простите-извините, извините-простите».

Заметив меня, Тамарка возликовала, но тут же, уткнувшись взглядом в монументальную фигуру Маруси, испугалась, панически затормозила и устремила подальше от нас, на другой конец стола.

Маруся тоже заметила Тамарку, громко фыркнула, давая понять всем присутствующим, что возмущена ее дикостью: в то время когда медиум, не жалея себя, пытается наладить контакт с духами, эта невежа врывается и...

Мне же было ясно, что Марусе, главным образом Марусе, хотелось выразить Тамарке свое презрение, которым она изрядно пропиталась за двадцать лет их вражды. И я, и Роза нервно заерзали на стульях. Затянувшаяся ссора Тамарки и Маруси доставляла всем нам огромные неудобства. Коровин же об этой вражде ничего не знал, а посему спокойно продолжил сеанс.

– Вызываю дух Наполеона! – страшным голосом взвыл он.

«Бедный Наполеон, – подумала я, – он при жизни не знал столько, сколько ему пришлось узнать после своей кончи-

ны».

Но, как это ни удивительно, дух не заставил себя ждать и явился мгновенно. Лично я его не видела, да, говорят, нормальному человеку это и недоступно, но дух ясно дал понять, что он здесь, сообщив об этом до странности изменившимся голосом Равиля.

– Я здесь! – сказал дух. Все ахнули, а я зевнула.

– Задавайте ваши вопросы, – утробно провыл Коровин.

И публика начала задавать. Должна сказать, что народ был все ученый и действовал организованно – лишь по знаку Коровина, – не считая моей Тamarки, которая забежала вперед, не соблюдая никакой очередности. Маруся возмущенно фыркнула, остальные же повели себя терпеливо.

– Где он? – самой первой завопила Тamarка, а Коровин с печальным достоинством кивнул головой, мол, вопрос принят, и уставился на Лелю.

Я мгновенно впиалась в нее взглядом, предвкушая разгадку, и ошиблась.

– Где он? – пропищала Леля и замолчала, не внеся никакой ясности.

Коровин уставился на пожилую даму в розовом атласном платье.

– Где он? – пробасила она, передавая очередь Розе, которая тут же не своим голосом изрекла:

– Где он?

Потом был мужчина в дорогом помятом костюме, с кото-

рым я даже кокетничать не стала бы, потом позеленевшая от диет пигалица, потом убеленный сединами импозантный бизнесмен, с которым я выпила бы на досуге несколько коктейлей, затем старая, увешанная бриллиантами карга, которая пыталась меня пристыдить за аплодисменты красоте Ра-виля, – все задавали один и тот же вопрос: «Где он?»

«Никакого разнообразия, – приуныла я. – Разве что-нибудь интересное почерпнешь из этих вопросов?»

Тем временем очередь дошла и до Маруси.

– Где он? – зычно гаркнула она, и Коровин дал знак, что сеанс закончен.

– Что такое? – возмутилась я. – Как это закончен? А за что я деньги платила?

Мне до смерти хотелось загробным голосом крикнуть «где он?», тем более что уже недели три я не могла найти свой вьетнамский веник, которым баба Рая приистрастилась вытирать пыль с потолка.

Видимо, сын мой, озорник Санька, куда-то этот веник за-тащил, и я очень рассчитывала узнать куда, хотя за те деньги, что Коровин с меня слупил, я купила бы этих веников штук десять, а то и больше.

Но здесь интерес мистический, а не прагматический, поэтому я и взволновалась не на шутку. Однако Коровин меня успокоил, пояснив, что дух устал и удалился на размышления.

Но тут занервничала Тамарка.

– Когда же он вернется? – захотела знать она.

– Завтра, – заверил Коровин, – но уже вечером. Всех жду завтра вечером в семь часов. Оплата предварительная. Для чистоты эксперимента советую всем заплатить сегодня. Кто не успел задать вопросы и не сможет завтра прийти, оставьте свои вопросы, я от вашего имени сам лично их задам духу и доведу до вашего сведения ответы. Так даже будет лучше.

«А что их оставлять, эти вопросы, – подумала я, – когда они у всех одинаковые».

Помощник Коровина пошел с подносом обходить присутствующих. Каждый клал на поднос купюру достоинства, рекомендованного этим же самым помощником. Я призадумалась: платить или не платить? С одной стороны – полная лажа, только зря деньги потрачу, с другой – я узнала так мало, а ведь любопытно.

«Ладно, – решила я, – если помощник назовет неприемлемую сумму, пошлю его к чертям, а если не станет заламывать цену, дам сколько запросит»

И в это время я заметила, что Тамарка усиленно подает мне сигналы. С опаской я глянула на Марусю – та с упоением обсуждала с Розой состоявшийся контакт с духом Наполеона. Пользуясь этим, я тихонечко поднялась со своего места и тронулась к выходу.

Сообразительная Тамарка устремилась за мной.

Помощник Коровина, заметив наше бегство, поспешил за нами. Он нагнал нас у самой двери и протянул поднос, на-

зывая Тamarке сумму, от которой у меня разум помутился. Столько подлец слупил с Тamarки, что у меня кулаки зачесались. Я тут же дала себе клятву послать этого наглеца так далеко, как это только приличествовало нашему собранию. Тamarка же, глазом не моргнув, спокойно выложила сумму на поднос и шепнула мне на ухо:

– Мама, у меня к тебе дело.

– Очень хорошо, – обрадовалась я, – тогда не сочти за труд, оплати мой будущий визит этому живодеpy. Я забыла кошелек в Марусиной машине, – для убедительности пояснила я, еще крепче прижимая к груди сумочку с кошельком.

– Охотно оплачу, – ответила Тamarка, из чего я тут же сделала заключение, что уж теперь-то она от меня потребует (как минимум) достать золотую рыбку со дня моря.

К моей досаде помощник Коровина так мало с меня запросил, что мне и самой отдать было не жалко. И все же я позволила расплатиться Тamarке.

– Мама, ты невозможная! – закричала она, едва мы вышли на улицу. – За каким лешим ты здесь? Совсем крыша поехала? То на карниз тебя заносит, то к Коровину!

– Тот же вопрос могу задать и тебе: не поехала ли твоя крыша? – с достоинством парировала я.

– Я – другое дело, – пригорюнилась Тamarка. – У меня беда.

– У меня тоже.

Тamarка испугалась:

– Что случилось на этот раз?

– Пропал веник, – удрученно поведала я.

– Тыфу, на тебя, Мама! Мне не до шуток, – рассердилась

Тамарка. – Кстати, зачем эта корова приперлась к Коровину?

Было очевидно, что она имеет в виду Марусю.

– Понятия не имею, – заверила я. – Природная скромность не позволяет мне совать нос в чужие дела.

Тамарка посмотрела на меня с издевкой, но возражать поостереглась, поскольку имела на меня непонятные виды. Впрочем, эти виды тут же стали мне ясны.

– Ты должна проникнуть в дом к Леле, – потребовала она.

Я опешила: «Только один раз залезла на карниз, а уже получаю такие сомнительные поручения!»

– Что значит – проникнуть? – воскликнула я. – Надеюсь, ты не заставишь меня воровать?

– Да нет, Мама, – отмахнулась Тамарка, – с этим я справляюсь и без тебя. Ты должна мне помочь в другом. Понимаешь, я вляпалась в дерьмо.

– На мой взгляд, ты никогда из него и не вылезала, – не упустила момента вставить я. – С тех пор как решилась заняться бизнесом, в одном ты, Тома, дерьме сидишь, но помочь друзьям я всегда рада. Ты же меня знаешь.

– Знаю, Мама, знаю, потому и обращаюсь к тебе. Беда! Беда страшная, на тебя только и надежда. Кстати, у тебя сегодня очень милый паричок – просто живые длинные волосы!

– Потому и живые, что мои, – гордо ответила я, чем пара-

лизовала Тamarку.

– Как твои? – столбенея, изумилась она. – Ты же свои оставила у стилиста. Ты же в стрижке на карнизе была!

– Черта с два! – радостно сообщила я. – К стилисту я носила свой старый парик, а мои волосы неприкосновенны. Ты уже дожила до того возраста, когда пора бы это знать, но что об этом толковать, когда есть темы и поприятней. Что у тебя за беда? Давай лучше к этому вернемся.

– Ты чокнутая, Мама, – констатировала Тaмaрка и тут же сообщила:

– Моя фирма на грани краха!

Я пришла в ужас, не ощущая уже того желания помочь Тaмaрке, которое испытывала буквально секунды назад.

– Бог ты мой, как это приключилось? – испуганно завопила я.

– Понимаешь, Мама, невзначай образовался громадный долг, за который меня просто пришьют (в лучшем случае), а началось все с того, что я собралась взять приличный кредит, и под него уже заключила контракт с очень крутым клиентом со стопроцентными штрафными санкциями.

Ужас мой все возрастал, с желанием помочь Тaмaрке происходило обратное. Точнее никакого желания вообще не осталось.

– Как могла ты так глупо себя повести? – возмутилась я. – Все твоя жадность! Говорила же, не доведет она тебя до добра, и вот результат!

– Не сыпь мне соль на раны, Мама! – взмолилась Тамарка. – Я же не думала, что все выйдет именно так. Дело было верное. Банкир – свой человек. Уж сколько я взяток ему передавала! – Тамарка закатила глаза. – Нет у него родней меня никого. Я так верила ему, что уже, в расчете на этот кредит, часть контракта наличными оплатила, из чужих денег, конечно. Думала, успею крутануться и деньги верну, а тут пропал мой банкир, и я на бобах, а ты мой размах знаешь.

Я тупо смотрела на Тамарку, размышляя, какое отношение все это имеет к Леле, и не Лелин ли муж тот самый банкир, который пропал.

– Несколько дней мечусь по городу, – продолжила тем временем Тамарка.

– Конкретней, сколько?

– Мама, два дня как пропал банкир, буквально сразу после того, как ты очутилась на карнизе.

Я насторожилась:

– В чем дело, Тома? Ты связываешь эти события?

Тамарка рассердилась:

– Не будь дурой, Мама! При чем здесь ты? Просто поясню: два дня пытаюсь деньги достать, потому что Перцев, сволочь, без компаньона денег не дает, а компаньон, ну, банкир мой, пропал. Уже два дня как исчез.

– Постой, как исчез? – изумилась я. – Его что же, украли? Или он сбежал?

– Не знаю, – смахивав слезу, сообщила Тамарка. – Перцев

темнит, говорит, что он в командировке, вот я и прошу тебя сходить к Леле и узнать, куда ее муж делся. Срочно он мне нужен. Горю!

– Так Александр Эдуардович Турянский и есть твой банкир? – окончательно прозрела я и тут же прикусила язык, потому что из дома Коровина вышла Леля и, не замечая нас, побрела к своему «Мерседесу», оставленному на площадке среди других машин.

Тамарка равнодушно скользнула по Леле взглядом и прошептала:

– Мама, мне срочно, срочно нужна информация. Каждый день на счету.

«Так она не только, не знакома с Лелей, но даже и не видела ее никогда», – глядя на удаляющийся Лелин «Мерседес», сообразила я и заинтересовалась:

– А ты не можешь получить другой кредит?

– Нет, Мама, на таких условиях не могу. Уже пыталась, а Перцев, скотина, на все мои бумаги плюет, хотя там стоит его подпись. Ой, Мама! – Тамарка схватилась за голову. – Спасай! Если и в самом деле Турянский в командировке, то узнай хотя бы где. Но, чует мое сердце, там что-то нечисто. Не мог он меня так подставить.

Мое сердце тоже кое-что чувало, но расстраивать Тамарку я не стала, пообещала этим же вечером посетить Лелю и все разузнать.

– Ой, Мама, а эту корову ты не можешь уговорить не при-

ходить завтра к Коровину? – уже трогая с места свой «Мерседес», вдруг взмолилась Тамарка.

– Здесь, Тома, я тебе не помощник, – развела я руками. – Сама знаешь Марусю.

Тамарка Марусю знала, а потому плюнула и укатила, я же вернулась к Коровину – охота было посмотреть, как Роза отгадывает его мысли.

Глава 7

Этим же вечером я, выполняя обещание, данное Тамарке, отправилась к Леле в роскошную квартиру Турянского. Вопреки приличиям, решила нагрянуть без предупреждения.

Леля, встретив меня, искренне обрадовалась, но, узнав, что я не к ней, а к ее мужу и по очень важному делу, сразу насторожилась.

– Зачем он тебе? – немного резковато спросила она.

– У меня внезапно образовалась некоторая сумма свободных денег, – солгала я, – хотела посоветоваться, как выгодней ими распорядиться, в смысле, куда вложить.

Леля вздохнула:

– Сашеньки нет дома.

– А когда он приедет? Я могу подождать.

Леля замаялась, по лицу ее гуляли темные тени. Было очевидно, что ее гложет печаль.

– Надеюсь, вы не поругались? – спросила я.

– Нет-нет, что ты? – она посмотрела на меня с укором. – Как я могу ругаться с Сашенькой? Даже если и захочу, это невозможно. Ни в чем не знаю отказа, нет человека добрей его.

– Тогда какие проблемы? – удивилась я. – Ты не в курсе, когда твой муж с работы придет?

– Он в командировке.

И слепой бы заметил, что Леля лжет.

– Хорошо, – согласилась я, – раз Александр Эдуардович в командировке, зайду после его возвращения. Когда он вернется?

Леля растерялась:

– Не знаю.

Тут уж я не могла не отреагировать.

– Леля, в чем дело? – демонстративно изумилась я. – То вы и часа друг без друга прожить не можете, а то Александр Эдуардович уезжает в командировку, а ты не знаешь, когда он вернется. Так, что ли?

Леля пожала плечами:

– Не знаю, как такое вышло. Он срочно уехал, ничего не успел мне сказать.

– Но позвонить-то он мог?

Леля встрепенулась, словно двоечница, услышавшая под-сказку.

– Да-да, я жду Сашенькиного звонка, – с наигранным оптимизмом воскликнула она.

«Врет, – подумала я. – Опять врёт – и кому? Мне! А ведь всегда душу открывала, сейчас же врёт. Тамарка сказала, что банкир – муж Лели, пропал два дня назад. А Леля врёт. В чем тут дело?»

– Позвонит, передавай привет и от меня, – равнодушно бросила я, делая вид, что собираюсь уходить.

Леля попыталась скрыть облегчение, но неудачно. Ясно

было видно, что она едва ли не с радостью выпроваживает меня, хотя раньше часами не отпускала. Ах, как мне стало обидно!

– Знаешь, – бегло глянув на часы, уже у самого выхода из квартиры воскликнула я, – раз твой муж уехал, не хочу оставлять тебя в одиночестве. Время в общем-то у меня есть; задержусь на чашечку кофе, пожалуй.

Леле ничего другого не оставалось, как обрадоваться и сказать:

– Вот и правильно, а то у Коровина нам и поговорить не удалось.

– Не по моей вине, – справедливо заметила я. – Ты, похоже, не расположена была к разговорам.

– Спешила, – ответила Леля и повела меня обратно в комнаты.

Мы расположились в просторном нижнем холле – квартира Турянского была в двух уровнях – поболтали для приличия о погоде и решили пить турецкий кофе. Каково же было мое удивление, когда тут же выяснилось, что кофе будет варить сама Леля.

– Отпустила прислугу, – небрежно бросила она, погружая две серебряные турочки в раскаленный песок. – Одной побыть захотелось.

Это Леле-то захотелось побыть одной. «Да она и двух минут в одиночестве не выживет», – подумала я.

Когда кофе был приготовлен и разлит по чашкам, я завела

разговор о Коровине и о его гибком медиуме Равиле. Больше, конечно, о красавце Равиле, с которым мне так и не удалось остаться наедине – а очень хотелось... К сожалению, этого же хотелось всем дамам, присутствовавшим на сеансе.

Однако разговор не вязался: Леля отвечала рассеянно, то и дело нервно поглядывая на часы...

«Кого-то ждет, – подумала я. – Что у них, черт возьми, происходит?»

– Мне кажется, этот ваш модный Коровин, – продолжая беседу, сказала я, – просто шарлатан.

– Почему «ваш»? – удивилась Леля и снова глянула на часы.

Тут уж я юлить не стала, а задала вопрос со всей присущей мне прямоотой.

– Дорогая, – сказала я, – похоже, ты ждешь кого-то или я тебя от важных дел отвлекаю. Может, мне лучше уйти?

– Ну что ты? – вспыхнула Леля. – Я всего лишь жду звонка от Сашеньки. Сиди, я всегда рада поболтать с тобой. Хорошо, что пришла.

Однако я уже ничему не верила. Меня охватили сомнения, даже стало казаться, что кто-то ходит наверху, где располагались кабинет Александра Эдуардовича, верхний холл, библиотека и супружеская спальня. Насколько мне было известно, в этой семье не приветствовалось присутствие посторонних на втором уровне квартиры, в святая святых. Даже прислуга там появлялась лишь по крайней необходимости.

– У тебя там кто-то есть? – спросила я, тыча пальцем в потолок.

Леля растерялась, а потом рассердилась.

– Что за странный вопрос? – воскликнула она. – Кто там может быть? Я здесь, а Сашенька в отъезде.

– Значит, мне показалось, – делая глоток чудесного кофе, ответила я.

Однако Лелю это не удовлетворило. Она посверлила меня холодным взглядом и спросила:

– Ты что, мне не веришь?

Я не ожидала такой реакции, а потому растеряннo уставилась на нее, не зная, что сказать.

– Пойдем, – она решительно схватила меня за руку. – Пойдем, посмотришь сама. – И Леля потащила меня наверх.

– Зачем? Зачем? Верю, верю, – лепетала я, но шла охотно, потому что ни разу наверху не была.

Ах, как чудно там все было устроено! Просторный ультрамодный зеркальный холл, строгий кабинет с массивной старинной мебелью, играющая атласом, бархатом и золотом озорная спальня, сверкающая никелем, кафелем и фарфором ванная и библиотека, потрясшая меня богатством наиредчайших книг.

Однако никого наверху не было. Обойдя все комнаты, мы вернулись в спальню. Я даже в шкаф заглянула и под предлогом поисков полюбовалась на Лелины наряды. Кстати, она не лгала, счастливица действительно ни в чем не знала отказа:

ах, эти вечерние туалеты, эти сумасшедшие шубы! Сердце заныло в моей груди... Впрочем, речь тут не о моем сердце.

Я задумалась. Все комнаты пусты, везде, где можно спрятаться, я побывала: побывала и там, где спрятаться невозможно. И все же нет удовлетворения в моей душе, и здесь что-то явно не так. Что не так?

Сама Леля. Она была странная, чтобы не сказать больше. Напряжена, взвинчена. Хоть она и старалась из последних сил казаться спокойной, но лицо и руки выдавали ее: на лице мелькало выражение то растерянности, то страха, то боли, а руки все время нервно теребили различные предметы. Временами же Лелю просто прорывало. Как это понимать? Сначала она вопреки здравому смыслу притащила меня наверх, а теперь вдруг как закричит не своим голосом:

– Ну что? Ты видишь? Видишь? Здесь нет никого! В квартире я одна.

– Нас двое, – спокойно напомнила я, подходя к туалетному столику и с интересом изучая косметику: длинный ряд флаконов, выстроившихся у зеркала. Я выбрала самые дорогие духи, приоткрыла хрустальную крышечку, понюхала терпкий аромат и спросила:

– Не возражаешь?

Леля застыла с каменным лицом.

– Спасибо, – сказала я, щедро орошая себя духами. – Ты права, мне показалось. Здесь действительно никого нет, но что, голубушка, с тобой творится? Как странно твое поведе-

ние.

Леля мгновенно взяла себя в руки, натянула на лицо маску невозмутимости, грациозным движением забрала из моих рук флакон, тоже оросила себя духами и вальяжно произнесла:

– Ерунда, критические дни, вот нервишки и пошаливают, а в целом я спокойна, как слон.

Едва она успела это сказать, как зазвонил телефон, стоящий здесь же, на туалетном столике. Леля, подпрыгнув, взвизгнула так, что и меня будто током прошило. Флакон выпал из ее рук, но не разбился, а покатился по пышному ковру, извергая удушливый аромат.

– Черт возьми, – рассердилась я, – ты кого угодно доведешь до истерики.

Леля же не слышала ничего, она дикими глазами смотрела на аппарат и пятилась от меня, как от гремучей змеи, приговаривая:

– Нет, нет, нет...

– Что «нет»? – сказала я и подняла трубку. Это был приятный мужской голос, очень низкий, волнующий, с обволакивающей хрипотцой.

Век бы с таким болтала.

– Ты надумала, детка? – спросил голос. – Времени осталось немного.

– Сколько? – спросила я, и в трубке сейчас же раздались гудки.

Вслед за этим что-то мягко шлепнулось на ковер – это была Леля.

– Все ясно, – сказала я и отправилась в ванную.

Там я набрала полный стакан холодной воды, которую и вылила на ее голову. Бедняжка открыла глаза и жалобно посмотрела на меня.

– Как ты себя чувствуешь? – взволнованно спросила я.

– Нормально, говорю же, критические дни, – ответила Леля и бодро вскочила на ноги. – Кто это был? – делая вид, что ничего не произошло, равнодушно поинтересовалась она.

Что ж, я ответила.

– Преступник, который похитил твоего мужа, – сказала я и на всякий случай поддержала Лелю: вдруг ей опять приспичит падать в обморок.

Не приспичило. На этот раз Леля не упала. Ее красивую мордашку исказила гримаса плача, хотя Леля с ним явно боролась. Но как ей ни хотелось сохранить спокойствие, рыдания рвались и вырвались-таки наружу. Леля упала на кровать и разразилась таким заразительным плачем, что я едва к ней не присоединилась.

– Нет! Нет! Нет! – сквозь слезы восклицала она. – Почему сейчас? Когда все так наладилось, когда все так хорошо, когда я наконец обрела свое счастье?

Я присела рядом и, глядя ее по голове, произнесла речь, полную жизненной мудрости:

– Так уж в этой жизни бывает: после радости неприятно-

сти по теории вероятности. Все как в песне поется. Вот взять хотя бы меня. Только обрела счастье со своим первым мужем, и как нам хорошо было! Казалось бы, все есть: и деньги, и квартира, и даже импортный холодильник – только живи и радуйся, но тут случилась свекровь. Примчалась и так раскатала губы управлять мною – думала, я стану ее донором. Я же не пожелала сдавать ей свою кровь и сразу нашла... другую свекровь, хотя искала только мужа. Тебе повезло, твой муж дожил до того возраста, когда о свекрови не может быть и речи.

Напрасно я вспомнила про ее мужа: начавшая было успокаиваться Леля опять залилась слезами. Это отняло у меня лишних полчаса, а может, отняло бы и более, если бы не зазвонил телефон. Да, да, он опять зазвонил, и Леля на этот раз сама к нему подошла. Каким-то чудом ей удалось успокоиться и даже внятно сказать:

– Я вас слушаю.

По выражению ее лица я поняла, что это все тот же волнующий мужской голос.

– Это подруга в гости заходила, – стала оправдываться Леля. – Но теперь я одна.

Видимо, голос упрекал ее в том, что в прошлый раз трубку сняла не она. Каков наглец!

Я напряженно следила за Лелиной мимикой на протяжении всего разговора, впрочем, он был недолгим. Леля сказала:

– Да-да, я и так делаю все возможное, – и повесила трубку.

– Кто это? – спросила я.

– Не знаю, – горестно пожалала плечами Леля. – Он терроризирует меня уже два дня.

– Чего он хочет?

– Денег. Выкуп за Сашеньку.

– И много потребовал этот подлец?

Леля назвала сумму; меня едва не хватил апоплексический удар.

– Это же неразумно! – воскликнула я. – Даже у Турянского нет таких денег! Он что, сошел с ума, этот похититель?

– Нет, он с ума не сошел, просто сделал глупость, – сказала Леля. – Вот если бы он похитил меня, то Сашенька в два счета нашел бы для выкупа деньги, я же рассчитываю лишь на то, что похититель одумается и согласится взять столько, сколько я сумею для него достать, а пока продаю все, что только возможно. Два своих лучших платья уже продала и дачу выставила на продажу. Два автомобиля, похоже, задарма придется отдать. Уже есть покупатели.

Мне стало смешно: дачу, два автомобиля. Это же капля в море!

– Дорогая, а ты уверена, что твой муж еще жив? – жутко нервничая, спросила я.

– Вчера мне дали послушать его голос.

– Ха! Голос! Голос можно записать на магнитофон. Ты с ним разговаривала?

– Нет, – заламывая руки, воскликнула Леля. – Нет! Но что мне делать? Я схожу с ума! Всю ночь не спала, не ем, тоскую! Мне страшно! Страшно!

Сердце мое разрывалось от жалости к этой несчастной. Надо же – так повезло и следом так не повезло!

– Успокойся, – воскликнула я. – Мы вернем твоего драгоценного мужа.

Глаза Лели загорелись надеждой:

– Думаешь, это возможно?

– Возможно, когда за дело берусь я, Софья Адамовна Мархалева!

Глава 8

Я сразу приступила к делу. Для начала мы спустились в нижний холл и сварили новую порцию кофе, только на этот раз мы добавили в него изрядную дозу коньяка. После этого я поудобней устроилась в кресле, поджала под себя ноги, прикрылась пледом и скомандовала Леле:

– Рассказывай.

– А что рассказывать? – удивилась она. – Ты в общем-то все уже знаешь. Сашенька исчез, его похитили позавчера утром.

– Когда выкуп потребовали?

– В одиннадцать утра уже и выкуп потребовали, так что долго мучиться неизвестностью нам не пришлось.

– Кому «нам»? – удивилась я.

– Ну, мне и сотрудникам банка.

Я ужаснулась:

– Они что, все, как один, в курсе?

– Нет-нет, – успокоила меня Леля, – исчезновение Сашеньки держится в строжайшей тайне, но это становится все сложнее и сложнее. Еще немного, и все узнают, что он ни в какой не в командировке. Тогда!..

Леля закатила глаза. Я попыталась представить, что будет, если все узнают, и ничего ужасного в этом не нашла, хотя минуту назад и сама ужасалась.

– А почему ты решила, что похищение надо держать в тайне? – поинтересовалась я.

– Перцев мне так порекомендовал.

– Перцев, Перцев, где-то я уже слышала эту фамилию... Кто он?

– Компаньон моего мужа. Когда-то, еще в советские времена, когда Сашенька в крупном чине работал в министерстве, этот Перцев был у него в подчинении. Говорят, был красавец писанный, что теперь уже совсем незаметно.

«Точно, – вспомнила я, – он же компаньон Турянского, Тамарка мне о нем говорила. Темная личность этот Перцев, подпись поставил, а денег не дает, на пропавшего банкира ссылается. А может, он и должен так поступать, я же в этих банковских делах совсем не разбираюсь. Эх, хоть бери и учись».

– А как аргументировал Перцев свой совет держать похищение Александра Эдуардовича в тайне? – поинтересовалась я.

– Сказал, что раз похитители приказали ничего никому не говорить, так лучше их не злить, – с горестным видом сообщила Леля.

– Ах, так это похитители захотели держать все в тайне, – прозрела я. – Слушай, а почему бы нам в милицию не обратиться?

Леля запаниковала.

– Ни в коем случае! – закричала она. – Бандиты меня пре-

дупредили, что если я обращусь в милицию, уже на следующий день труп Сашеньки будет лежать у дверей его банка.

«Да-ааа, – подумала я, – с милицией что-то не то у меня получилось. Разве можно так рисковать?»

– Хорошо, обойдемся без милиции. Можно подумать, там найдется хоть кто-то умней меня. Значит так, очерчиваем четкую линию. Кто мог похитить Александра Эдуардовича, как ты думаешь?

Леля лишь развела руками:

– Если бы я знала...

– Пойдем методом исключения. Очевидно, это не абсолютно посторонний человек. Во всяком случае, тот, кто знает о существовании Александра Эдуардовича. Кстати, как это произошло? Откуда его похитили?

– Трудно сказать. Вчера утром, когда Сашенька завтракал, кто-то позвонил ему на мобильный. Я не прислушивалась к разговору, но в общем-то поняла, что его просят о срочной встрече.

– Женщина или мужчина? – уточнила я.

– Конечно, мужчина, скорей всего молодой; Сашенька за что-то попенял ему и сказал: «Что же вы, молодой человек, так плохо свое дело знаете?»

– Имени он не называл?

Леля грустно покачала головой:

– Нет, имени я не слышала. После завтрака Сашенька собирался отправиться в банк, уже и охрана за ним приехала,

но после разговора он почему-то решение переменял и отпустил охрану прямо во время завтрака. Мне сказал, что уезжает, что у него важная встреча и разговор должен состояться без лишних свидетелей.

Леля снова всхлипнула. Я поспешила ее отвлечь вопросом:

– Он что же, поехал совсем без охраны? На Александра Эдуардовича это не похоже. Я знаю его как предельно осторожного человека.

– Так и есть, Сашенька всегда был очень осмотрителен, – согласилась Леля, бережно, чтобы не повредить косметику, вытирая платочком слезы. – Я тоже удивилась, что он отпустил охрану, и выразила опасение, но Сашенька меня успокоил, сказал, мол, человек, который за ним заедет, так обложен «телками», что бояться нечего. К тому же и поговорить мы особо-то не успели, потому что Сашенька заспешил. Он даже кофе не пил, что само по себе удивительно.

– И ты его не проводила? И не выглянула в окно? И на балкон не вышла?

– Сама себя за это ругаю. Ах, если бы наперед знать, – Леля махнула рукой и опять, зарыдала в голос.

Сердце мое зашлось от жалости.

– Успокойся, дорогая, не стоит так убиваться, – пролепетала я. – Не все потеряно. Надежда есть. Мне уже ясно, что Александра Эдуардовича заманили в ловушку.

– Я сразу это поняла, – сквозь плач выдавила из себя Ле-

ля. – Кто-то, кого он близко знает и кому доверяет, его заманил, но кто? Кто?!

Я задумалась.

– Дорогая, – осененная мыслью, воскликнула я, – то, что в похищении участвовал близкий Александру Эдуардовичу человек, и плохо и хорошо. С одной стороны, нам придется держать в секрете каждый свой шаг, поскольку неизвестно, кто наш враг; зато распространяя информацию дозированно, всегда можно выяснить, кто ею воспользовался. Ясно?

Леля была так расстроена, что ясно было одно: ей не скоро станет что-либо ясно.

– У меня страшно разболелась голова, – сказала она, шмыгая носом, – пойду приму таблетку.

– Где у тебя аптечка? – поинтересовалась я.

– Наверху в спальне.

– Я с тобой. Не возражаешь, если зайду в кабинет и пороюсь в бумагах твоего мужа?

Леля испуганно уставилась на меня.

– В интересах следствия, – пояснила я. – Вдруг там что-нибудь в записях обнаружится.

– Конечно, посмотри, – устало согласилась Леля.

Однако в кабинете ничего интересного я не обнаружила. Точнее, интересного там было достаточно – один еженедельник чего стоил, каких только громких имен там не было, – а вот полезного я ничего не нашла. На день похищения пришли кое-какие встречи, они подробно были отражены в

еженедельнике, но никаких зацепок не давали, если, конечно, не предположить, что Турянского похитил министр по труду, с которым на одиннадцать утра была запланирована встреча.

Отчаявшись, я выдвинула центральный ящик стола – там было полно скомканных бумажек. Я взяла самую верхнюю, расправила ее... Цифры, похоже на номер машины. Бросив бумажку в стол, я задвинула ящик и отправилась разыскивать Лелю.

Она была в спальне, лежала на кровати и, уткнувшись в подушку, снова рыдала, горько-горько. Аптечка – приличных размеров ящичек – стояла на туалетном столике.

– Ты что, теперь постоянно плачешь? – содрогаясь от жалости, спросила я, заглядывая в аптечку и поражаясь обилию лекарств.

– Ничего не могу с собой поделать, – призналась Леля. – Если с Сашенькой что-нибудь случится – жизнь моя кончится.

– Так уж и кончится, – усомнилась я. – Ты молодая, красивая, здоровая. Нового мужа найдешь.

Леля оторвала лицо от подушки и обожгла меня злым взглядом.

– Нового мужа найду? А ты не забыла, как долго я этого искала?

– Тогда ты была не так богата, – возразила я. – Теперь же тебе не надо так высоко планку поднимать. Достаточно,

чтобы муж был молод и хорош собой.

Леля перестала плакать, уселась на кровати, прижала к животу подушку и пытливо уставилась на меня.

– Ты что, серьезно думаешь, будто в случае смерти Сашеньки я буду богата?

– А почему бы и нет, – уже с некоторыми сомнениями ответила я.

Леля отбросила подушку и схватилась за голову. Глаза ее лихорадочно горели, нижнюю губку она прикусила и была так хороша, что я залюбовалась. Однако Леля страдала, ей было не до моих восторгов.

– Я только сейчас, когда начала собирать деньги для Сашеньки, поняла, что бедна, как церковная мышь, – воскликнула она. – К счетам я доступа не имею, даже не знаю, где они, эти счета. Из собственности тоже ничем не владею. Даже не могу продать ту дачу, которую Сашенька мне подарил, потому что она все еще на него оформлена. На продажу выставила, а как буду выкручиваться, когда найду покупателя, не знаю.

– Да, но это потому, что он жив, – успокоила я Лелю. – Если бы Александр Эдуардович, не дай бог, умер, то ты, как единственная его наследница, через полгода могла бы продать все, что тебе заблагорассудится.

– Что? Что например? Эту квартиру?

– Она стоит немало, – напомнила я.

– Да, немало, но я же где-то должна жить.

Пришлось согласиться, что Леля должна жить в этой роскошной квартире, раз больше нигде. Однако Леля снова была недовольна. Более того, она пришла в отчаяние.

– Да, я буду жить одна в этой квартире! – закричала она. – Одна, без моего Сашеньки!

– Поверь, так будет недолго. Теперь появится очень много желающих жить рядом с тобой, – заверила ее я.

– Жить рядом со мной? А ты знаешь, сколько денег уходит на содержание этой квартиры? Консьержки, лифтеры, охрана, служащие стоянки, уборщицы, слесари, садовник.

– Садовник?!

– Да, этому дому понадобился садовник. Цветочки сажает, подстригает кусты и не бесплатно, потому что он ландшафтный, видите ли, дизайнер. И это все не входя в квартиру, а сколько дел в самой квартире! Здесь только одной уборки на трех человек. Где я возьму такие деньги?

– Неужели нигде? – изумилась я. – Ведь все знают, что Александр Эдуардович почти владеет банком и не только им. У него есть какие-то фирмы. Ты же наследница. Даже если он не оставил завещания, других родственников у него нет. Его первая жена и сын давным-давно погибли в автокатастрофе. Родители умерли. Все. Ты осталась одна.

Леля, почему-то с жалостью глядя на меня, покачала головой.

– Одна, да не одна, – вздохнула она. – У него есть компаньон, этот Перцев. Я же в банковских делах полная про-

фанка. Перцев так ловко все обставит, что мне и владеть будет нечем. Уж я навидалась этого на своем веку. Пузыренко помнишь?

Что тут говорить. Я помнила Пузыренко, жену нефтяного магната, после внезапной гибели которого она только что на паперть не пошла.

– А личной собственности у Сашеньки не так уж и много: дача, два гаража да вот эта квартира, – добила меня Леля.

– Говорили, будто у него сумасшедшей красоты особняк на Майорке и огромная вилла во Франции, – уже робко произнесла я.

Леля зло боднула головой пространство:

– И не зря говорили. Могу фотографии показать. Это все, что у меня от особняка и виллы останется.

– Почему же?

– Да потому, что приобретены они на фирму, фактически принадлежащую банку. Там все слишком сложно сплетено, и пока я войду в свои права, этот Перцев все как надо и обтыпает: и кого надо зарядит, и кого надо подмажет, даже судиться будет бесполезно. Знаешь, что за полгода можно сделать? А ведь в случае гибели моего Сашеньки Перцев практически один будет всеми делами рулить.

– Он уже рулит, – заверила я. – Моя подруга собралась у Александра Эдуардовича кредит получить, он и все бумаги ей по этому делу выправил, а Перцев ничего теперь не дает и на бумаги плюет, хоть там есть и его подпись. Подруга в пол-

ном пролете. Она уже успела под этот кредит чужие деньги потратить и влезть в контракт с такими штрафными санкциями, что только держись!

Леля, надо отдать ей должное, не зачерствела в своём горе и Тamarку мою пожалела.

– Какой ужас! – сказала она. – Бедная женщина!

– Бедная не то слово, нищей скоро будет. Так что думать о плохом нам нельзя. Будем искать твоего мужа. Завтра же отправлюсь к Перцеву и поговорю с ним. Может, обнаружатся какие-нибудь интересные детали. Перцев-то уж больше тебя знает о делах Александра Эдуардовича и наверняка помнит всех знакомых своего компаньона.

Леля испугалась.

– Ты собралась к Перцеву?! Не вздумай! – закричала она. – Представляешь, как ополчится на меня этот Перцев, если узнает, что я нарушила данное слово и рассказала тебе о похищении. Да он придет в ярость. Нет, поклянись, что с ним ты разговаривать не будешь.

– Клянусь, – не задумываясь, воскликнула я, правда тут же и возразила:

– Не вижу ничего страшного в том, что я узнала про похищение. Ну сказала ты мне, так я же вам человек не посторонний. К тому же умею держать язык за зубами.

– Перцев об этом не знает. Нет, Соня, все же лучше ты к нему не ходи, – попросила Леля и, морщась от боли, схватилась за голову.

– Не пойду. Я уже клялась, но, дорогая, что с тобой? – взволновалась я.

– Голова, снова болит голова. Как тисками в висках сдавило. Кажется, кровь хлынет из ушей. Поищи, пожалуйста, в аптечке таблетки. Дай что-нибудь по сильнее.

Я, как баран на новые ворота, уставилась на аптечку. По сильнее. Да тут же одни сердечные лекарства. Боже! Сколько их! Кто их только глотает? Уж не Леля, конечно.

– Не знала, что Александр Эдуардович жаловался на сердце, – заметила я, отыскивая обезболивающее и извлекая из упаковки таблетку для Лели.

– Господи! – взвизгнула она. – Почему «жаловался»?! Ты что, его уже хоронишь?!

Я, кляня себя за свой длинный язык, бросилась оправдываться:

– Дорогая, нет, конечно, не хороню, просто случайно вырвалось, прости, прости.

Но Леля не слушала меня. Она снова пришла в отчаяние.

– Может, ты и права! – рыдая и заламывая руки, воскликнула она. – Сашенька и дня не мог прожить без лекарств. Каждый день он жаловался на сердце. Он был болен, очень болен – порок сердца. Это похищение губительно для него! Нет, я сойду с ума!

– Ты сказала об этом тому бандиту, который требует с тебя деньги? Я имею в виду про сердце, а не то, что ты сойдешь с ума, – пояснила я.

– Про все ему сказала, – заверила меня Леля, – и про таблетки, и про то, что сойду с ума, но ему-то какое до всего этого дело?

– Не скажи. Если с Александром Эдуардовичем случится приступ и он умрет, этот бандит не получит ничего. С какой стати ты будешь платить ему выкуп?

– Как с какой стати? А тело? Я должна получить тело. Как же я брошу Сашеньку неизвестно где? Не похороню по-христиански?

– Да-да, конечно, – пролепетала я, – но тело стоит гораздо дешевле.

– Господи! – взвыла Леля. – О чем мы говорим?! Какое тело?! Я должна получить живого мужа, иначе мне конец!

– Получишь, обязательно получишь. Раз ты сказала про таблетки, будем надеяться, что похититель для своего же блага разорится на лекарства.

Случайно глянув на часы, я испугалась, потому что вспомнила, что и у меня есть муж, которого еще не похитили и вряд ли когда похитят...

Более того, у меня есть и ребенок, которому пора читать сказку, пока баба Рая не начала рассказывать ему на ночь свои ужасные политические анекдоты.

– Ой! – закричала я. – Какой кошмар! Как уже поздно!

– Еще не так и поздно, – демонстративно держась за голову, забеспокоилась Леля.

Таким образом она давала мне понять, что бросать боль-

ного человека жестоко. Я сделала вид, что не понимаю намека, и взмолилась:

– Нет-нет, дорогая, очень поздно, прошу тебя, прости, но мне пора.

Леся отнеслась к моему заявлению без энтузиазма.

– А как же я? – эгоистично спросила она, снова собираясь плакать. – Эта ночь была сущим кошмаром!

– Ты чего-то боишься?

– Да нет, просто мне одиноко.

Ах, я, оказывается, должна ее развлекать. И своего мужа я должна развлекать, и сына... А кто же будет развлекать меня?

– Выпей снотворное и ложись спать, – строго посоветовала я, закрывая аптечку. – А завтра я тебе позвоню.

Глава 9

Всю ночь я ломала голову над похищением Турянского и, естественно, не выпалась. Рано утром, даже не выпив кофе, бросилась звонить Розе. Очень хотела застать ее дома.

– У меня к тебе важное дело, – взволнованно заявила я.

– Об этом не может быть и речи, – разочаровала меня Роза. – Сегодня тяжелый день. Я обещала Пупсику отнести его пиджак в химчистку – он давно хнычет, – потом много всяких других домашних хлопот, а к обеду надо успеть на работу, в клинике у меня четыре встречи, и все с подругами. Сама знаешь, сколько у гинеколога друзей. А вечером еще к Альфреду Коровину за город пилить. Давай перенесем на завтра.

– Речь пойдет о монтевизме! – воскликнула я, и Роза мгновенно согласилась:

– Приезжай!

Я не заставила ее долго ждать. Роза встретила меня, страшно волнуясь.

– Что случилось? – едва открыв дверь, закричала она.

– У меня открылись монтевистские способности, – с гордостью сообщила я. Роза опешила:

– Ты же в это не веришь. Даже когда я демонстрировала явные успехи, ты смеялась и безбожно меня критиковала, подвергала сомнению совершенно очевидные факты, крича-

ла, что умрешь материалисткой, какие фокусы я тебе ни показывай.

– Это когда ты занималась монтевизмом – я критиковала, а когда такие способности открылись у меня, как можно не верить? Похоже, монтевизм и в самом деле существует. Во всяком случае другого вывода из этой истории я сделать не смогла.

Услышав про историю, Роза пришла в страшное волнение.

– Из какой, из какой истории? Рассказывай! Рассказывай скорей! – закричала она, усаживая меня на диван и пристраиваясь рядом.

Лицо ее выражало безграничное внимание. Зная потрясающую порядочность Розы, я решила, что уж ей-то можно открыть тайну. Это совсем не Маруся, у которой не держится вода в... Да что об этом.

– У Лели пропал муж, – сказала я.

– Какой ужас! – отшатнулась Роза.

– Турянского хитростью выманили из дома, похитили и теперь требуют за него фантастическую сумму. Причем, обрати внимание, похитили два дня назад, сегодня третий пошел, а вчера мне очень странный сон приснился.

– Какой сон? – насторожилась Роза.

– Будто я мужчина, и все у меня как у Турянского: бездна денег, молодая жена... Видимо, я уже кое-что начала воспринимать, чувствовать.

– Закон отражения, – поставила диагноз Роза. – Созерцание телепатически передаваемого предмета без включения сознания. Ты воспринимаешь его мысли, как несмышленное дитя.

Я чуть не задохнулась от изумления:

– А-ааа! Думаешь, он мне телепатирует?

– Телепатирует, – уточнила Роза. – Он в отчаянном положении и неосознанно посылает свои мысли всем, кого знает, но приняла их только ты.

– А ты? – изумилась я. – Почему ты не приняла? Ты же у нас опытный монтевист.

Роза задумалась. Было видно, что она расстроена. Действительно. Почему не она приняла? Почему я? Это же несправедливо.

– Думаю, ты приняла потому, что у тебя чрезвычайно развито воображение, – предположила Роза. – Ты с детства любила приврать; поэтому никто и не удивился, когда ты стала писательницей.

Я рассердилась:

– Ты о чем? Это к чему? Речь идет о Турянском. И о тебе. Почему я взяла твои обязанности на себя, почему приняла послание Турянского, вот о чем речь. Об этом и говори, а не о том, что я любила с детства.

– Так я же и говорю об этом, – заверила меня Роза. – Самое главное – твое необузданное воображение. К тому же, возможно, ты была настроена на нужную волну, была в нуж-

ном состоянии как раз перед сном.

– О чем ты? Ничего не пойму, – рассердилась я.

Роза, паинька, начала терпеливо объяснять:

– Соня, пойми, его похитили, он боится, очень боится, только что у него было все и теперь впереди ничего: полнейшая неизвестность.

– Точно! – воскликнула я, от восхищения хлопая себя по бедрам. – Именно с этим состоянием я и легла позавчера вечером в кровать! Я же позавчера днем сапоги купила! Надо же было хоть чем-то порадовать себя после того ужасного карниза. Вот я и купила себе подарок: сапоги за пятьсот долларов!

– Круто! – восхитилась Роза.

– Что «круто»? Вздумай я заплатить за них тысячу долларов, продавец и тогда не возражал бы. Пятьсот долларов! Они что, золотые эти сапоги?

– И в самом деле, почему так дорого? – заинтересовалась Роза. – Они наверное необычные?

– Сапоги как сапоги, из крокодила, конечно, но за пятьсот долларов я могла бы купить целую ферму крокодилов.

– Вряд ли, – усомнилась Роза.

– Значит, ты меня плохо знаешь, – отрезала я. – Но вернемся к моим дивным способностям. Легла я, значит, вечером в постель как раз в том ужасном состоянии, о котором ты говоришь: только что у меня было все – пятьсот долларов, – а теперь впереди ничего: одна неизвестность. Одни вопро-

сы впереди. Как долго эти сапоги мне прослужат? Когда они выйдут из моды? Что сказать подругам? Назвать истинную цену или для крутости преувеличить?

– Куда уже преувеличивать? – ужаснулась Роза. – Это все же сапоги, а не автомобиль.

– Да, ты права, – согласилась я:

– Маруся – а она присутствовала, когда я меняла свои доллары на крокодиловые сапоги – даже позеленела от зависти и тут же сказала, что я сделала глупость, она, мол, видела точно такие, же, но за пятьсот рублей. Видимо, рядом с сапогами продавались спички, и Маруся сослепу посмотрела не на тот ценник. Но бог с ней, не будем о ее странностях, а лучше поговорим о моих исключительных способностях.

– Да-да, давай поговорим, – поспешно согласилась Роза, которой надоели мои сапоги. Уж из-за них-то она не бросила бы пиджак своего Пупсика, этот грязный мешок с воротником и карманами, этот бухгалтерский чехол, пожизненно и настоятельно требовавший химчистки.

– Так что ты выяснила во сне? – дрожа от нетерпения спросила Роза.

– Теперь выясняется, что во сне я увидела даже то, чего и в жизни не знала. Оказывается, Александр Эдуардович был тяжело и неизлечимо болен!

Роза пришла в восторг.

– Потрясающе! – вскакивая с дивана и хлопая в ладоши, запищала она своим тоненьким голоском. – Неужели ты во

сне узнала, что Турянский болен клаустрофобией?

– Почему клаустрофобией? – растерялась я. – Речь идет о сердце. У Турянского порок сердца. Он и дня без лекарств прожить не мог.

Роза мгновенно огорчилась.

– Неужели я разболтала то, что держалось в строжайшей тайне? – глядя на меня с невыразимой печалью, спросила она.

– Информация попала в надежные руки, – заверила ее я. – Но ты-то про эту болезнь откуда знаешь, если Турянский держал в тайне свой психоз?

– Леля приходила ко мне на консультацию, ну, как к гинекологу, а по ходу расспрашивала про клаустрофобию. Я испугалась, не с ней ли приключилась эта беда, она успокоила меня, что не с ней, а с ее мужем. Просила порекомендовать опытного психиатра, но так, чтобы все осталось в тайне. Турянский скрывал свою болезнь, чтобы не обнаруживать ее, принимал всевозможные меры, даже в лифтах не ездил.

Я удивилась:

– Зачем он это делал? Клаустрофобия не сифилис, с какой стати ее скрывать?

Роза решительно со мной не согласилась и начала доказывать, что я рассуждаю так, потому что психически абсолютно здорова. Видимо, она намертво забыла про злополучный карниз. И я забыла, а напрасно.

– Ты лучше Тamarке и Марусе об этом скажи, – посовето-

вала я, — а то они регулярно сомневаются в моем психическом здоровье. Но слушай дальше про сон. Дальше вообще ужас. Кстати, именно в этом ужасе и заключается загадка. Для этого, собственно, я и приехала к тебе. В общем, во сне все у нас, в смысле у меня — старого облезлого козла — в порядке, жена меня обожает, жизнь бьет ключом, и вдруг ни с того ни с сего я начинаю задыхаться. Корчусь в невероятных судорогах, чего-то жутко боюсь, у меня спазмы, глаза на лоб лезут...

Роза, усевшаяся было на диван, снова с восторгом вскочила и, бурно аплодируя мне, запищала:

— Интеллектуальные волны происходят от мыслей человека и улавливаются монтевистом. Турянский испытывал все эти ощущения и бессознательно передавал их тебе. И еще ты будешь утверждать, что не узнала во сне о том, что он болен клаустрофобией! — победоносно заключила Роза.

— Что ты хочешь этим сказать? — с ужасом воскликнула я.

— Да то, что несчастного мужа Лели, видимо, держат в каком-то закрытом помещении, а он страдает и телепатировать тебе. Ты описала часть симптомов приступа клаустрофобии.

Тут уж с дивана вскочила я и забегала по комнате, приговаривая:

— Ой-ей-ей-ей-ей! Что же с ним теперь будет?

Роза трусила за мной и задавала те же вопросы. Только я их задавала ей, она же — непонятно кому. Наконец я остановилась и спросила:

– От этого человек может умереть?

– Смотря насколько болен. Если в легкой форме, то нет, а если в тяжелой, то запросто. Стоит только надолго оставить его в провоцирующих приступ условиях, и он труп.

– Турянский в какой форме болел?

Роза задумалась:

– Точно не знаю, но думаю он испытывал сильный дискомфорт, раз избегал лифтов. Я не специалист, но сама имею некоторые симптомы этой болезни. Лифты я плохо переношу, каждый раз с замиранием сердца туда вхожу. Также терпеть не могу купе поездов, очень плохо мне в самолетах, в комнате всегда стараюсь держать открытой дверь.

– А что с тобой будет, если ты застрянешь в лифте? – заинтересовалась я.

– Застревала. Как видишь, жива, но к тому времени как меня оттуда извлекли, мне уже было очень нехорошо: рвало, я едва не теряла сознание. Правда потом выяснилось, что я немного беременна. Но ты же говоришь, что у Турянского очень больное сердце. Я ничего не знала об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.